

На правах рукописи

Устименко Дмитрий Леонидович

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ АНТРОПОГЕНЕЗА:
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

09.00.08 – философия науки и техники

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Ростов-на-Дону – 2019

Работа выполнена на кафедре «Философия и мировые религии» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донской государственной технической университет»

Научный консультант:

Матяш Тамара Петровна

доктор философских наук, профессор,
Донской государственной
технической университет

Официальные оппоненты:

Савин Алексей Эдуардович

доктор философских наук, профессор,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(РАНХиГС)

Куликов Сергей Борисович

доктор философских наук, доцент,
Томский государственный
педагогический университет

Павлов Павел Викторович

доктор философских наук, профессор,
Южно-Российский государственный
политехнический университет

Ведущая организация:

Северо-Кавказский федеральный
университет

Защита состоится «19» июня 2019 года в 15-00 часов на заседании диссертационного совета Д.212.208.13 по философским наукам в Южном федеральном университете по адресу: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке им. Ю.А. Жданова ФГАОУ ВО «Южный Федеральный университет» по адресу: 344103, г. Ростов-на-Дону, ул. Зорге, д. 21ж. Электронный вариант текста диссертации размещен 11.02.2019 г. на официальном сайте Южного федерального университета по адресу: <https://hub.sfedu.ru/diss/announcement/675e0368-7b72-41d1-b8e1-327331cd3045/>

Автореферат разослан « 17 » мая 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.Г. Краснова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблема антропогенеза с древних времен находится в центре познавательного внимания человека. Самые ранние религиозно-мифологические системы народов сосредотачивались вокруг идеи творения, связывая с ней практику обновления человека и выстраивая эсхатологические представления. Проблематика возвращения к истокам, к Бытию, затрагивающая вопросы об изначальности и антропогенезе, сопровождает философскую традицию. Особую актуальность эта проблема приобретает в связи с развитием научного знания, в рамках которого она получает собственное понятие «антропогенеза» и направление исследования, делающего акцент на эволюционно-биологической стороне вопроса. Развитие эволюционной теории антропогенеза является основным направлением деятельности ведущих мировых институтов этнологии и физической антропологии. Однако, несмотря на разветвленный междисциплинарный характер, она не имеет окончательного подтверждения. Но и другие, распространенные сегодня теории происхождения человека, исходящие из иных методологических оснований, не предоставляют, на наш взгляд, достаточных рациональных доказательств, удовлетворяющих философско-критическому пониманию верифицируемости, истинности и адекватности исследуемой темы.

В создавшейся ситуации тема антропогенеза становится предметом конфликта теоретических парадигм, причем не только между разными областями знания, особенно религией и наукой (богословием творения и натурализмом), но и в рамках единых познавательных областей она имеет инаковые интерпретации (спор между эволюционистами и креационистами в христианской антропологии последних трех десятилетий). При наличии многочисленных, преимущественно эмпирических исследований в рамках отдельных направлений (в науке, религии, философии), остается недостаток в гносеологических и эпистемологических познаниях, проясняющих эту проблему, исходя из всей историографической полноты. Появляющиеся теоретико-методологические работы, посвященные ей, в целом, придерживаются натуралистической стратегии. Актуальность заявленной нами темы объясняется дефицитом методологического коэффициента в существующих исследованиях по антропогенезу. Такая ситуация способствует сохранению этой проблемы в статусе гипотетико-вероятностного знания, заключающего в себе различные теоретические трудности, и требует критического переосмысления. В преобладающем большинстве как естественно-научных, так и гуманитарных учений о происхождении человека используется объективистская методология, в рамках которой главной трудностью остается проблема сознания. Объективизм сам нуждается в философском обосновании своего теоретического статуса.

Эти обстоятельства обусловили наше обращение к феноменологии при прояснении теоретико-методологических вопросов интерпретации антропогенеза. Во-первых, потому что феноменологическая философия по ряду параметров соответствует современным методологическим идеалам, предъявляемым к научному познанию, что позволяет в опоре на ее стандарты верифицировать /

фальсифицировать существующее в мире знание об антропогенезе, в том числе естественнонаучное и религиозное. Во-вторых, в методологическом плане «объективность» объективизма произрастает из непосредственности жизненного мира сознания, из субъективности, являющейся предметным доменом феноменологии. Объективизм подвергается в ней масштабной критике. Важным критерием обращения к феноменологии является неприемлемость в ней, в отличие от эмпирической антропологии, гипотетического метода, хотя и допустимость рабочего конструктивизма. Познание антропогенеза в феноменологии – это познание такого начала, которое уже является фактом сознания, очерчивается и принадлежит границам собственного субъективного опыта. Руководство принципом очевидности и запретом выходить за рамки интуиции антропологических форм, в первую очередь, бытия сознания человека, а также рефлексия над предпосылками, являет феноменологию в качестве гуманитарной методологии науки и открывает перед ней перспективу демаркации иных методологических подходов познания антропогенеза.

В истории феноменологического движения, начиная с Э. Гуссерля, неоднократно предпринимались генетические исследования проблемы начала. Они касались и аспектов трансгрессии сознания, и времени, и генезиса смыслового бытия, и методологии трансляции знания о происхождении. Сегодня эти линии анализа не имеют ни общенаучной популярности, ни специального философского развития. Между тем, они не утратили своей методологической силы. Более того, проблема антропогенеза (начала), на наш взгляд, по своей антропологической и смысловой предельности является одной из центральных для всего феноменологического проекта. Специфика феноменологического подхода состоит в усмотрении и описании трансцендентальных структур и смыслов, которые заключают в себе бытие и идею генезиса человека. В феноменологии сам человек в имманентной сфере субъективного осознания видится «причиной» и самоданной всегда актуальной реальностью, открывающий «истину» своего происхождения. Как бесконечность возможных феноменологических дескрипций, так и отсутствие таковых делает востребованным пропедевтику и систематическую феноменологическую работу в данной антропологической сфере.

В направлении исследований генетических проблем феноменология имеет научно-теоретические перспективы развития, связанные с актуализацией методологического среза анализа субъективности как альтернативы эволюционно-натуралистической парадигме в антропологии. В отличие от натурализма, в рамках которого человек представляется образованием космически-преходящим, биологически-релятивным, ее подход, в первую очередь, осмысляющий проблематику времени, позволяет видеть в человеке мгновенное, уникальное создание с невыводимой и ни к чему не сводимой телесно-духовной природой.

Степень теоретической разработанности темы.

Для раскрытия нашей темы мы опирались на три типа источников: эпистемологические, историографические и феноменологические исследования,

касающиеся методологии познания антропогенеза. Характеризуя современный эпистемологический контекст, который задает сегодня направление изучения вопросов антропологии и происхождения, мы, отдавая должное классическим и неклассическим моделям понимания научности познания, отмечаем теоретико-методологические преимущества и значимость постнеклассической модели российских ученых (В.С. Степин¹, В.Ю. Кузнецов², Л.А. Маркова³, и др.), где в основание науки полагается философская мысль, субъективность, понятие смысла, контекста, рефлексии. В ее формате проблема антропогенеза получает новый исследовательский потенциал, который расширяет ее изучение, точнее выводит за рамки принятых в эпистемологии XX века эволюционистской, симбиотической (Ф. Энгельс⁴), инверсионной (Б.Ф. Поршнев⁵), скачкообразной концепций. По мнению В.М. Розина, «в настоящее время значительно изменилось само понимание научного объяснения в сфере антропогенеза... происходит отказ от естественнонаучного подхода в его марксистском варианте»⁶. Это сказывается в том, что научный статус получают сегодня не только естественнонаучные эмпирические трактовки антропогенеза (А.В. Марков⁷, А.А. Зубов⁸, С.В. Дробышевский⁹), но и теологические в рамках богословия творения (Ю. Мольтман¹⁰, К. Кемп¹¹, К. Копейкин¹², У. Кэрролл¹³), и философские теории, например, «катастрофизма» (О. Шпенглер¹⁴), «заброшенности» (М. Хайдеггер¹⁵), «толчкообразности» (Э. Гуссерль¹⁶), а также феноменологические идеи, связанные с опытом обоснования

---

¹ Степин, В. С. Конструктивизм и проблема научных онтологий // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. – М.: «Канон+», 2009. – с. 41 – 63.

² Кузнецов, В. Ю. Мир единства. – М.: Академический проект, 2010. – 207 с.

³ Маркова, Л. А. Наука на грани с ненаукой. – М.: «Канон+», 2013. – 336 с.

⁴ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства [электронный ресурс] // режим доступа: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Pschsg> (дата обращения 30. 04. 2014)

⁵ Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. – М.: «ФЭРИ-В», 2006. – 640 с.

⁶ Розин В. М. Конфигурирование в методологии и науке / Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. М.: «Канон+», 2009. с. 239.

⁷ Марков А. В. Эволюция человека В 2 кн. Кн. 1: Обезьяны, кости и гены. – М.: Астрель, 2011. – 464 с.

⁸ Зубов А. А. Становление и первоначальное расселение рода Номо. – СПб.: Алетейя, 2011. – 224 с.

⁹ Дробышевский С. В. О 4-миллионелетних сапиенсах и гейдельбергских носках. [электронный ресурс] // режим доступа: <http://antropogenez.ru/interview/264/> (дата обращения 1.02.2016).

¹⁰ Мольтман Ю. Начало и завершение времени в первоначальном и эсхатологическом моментах // Богословие творения. - М.: Издательство ББИ, 2013. С. 24 – 36.

¹¹ Кемп К. Наука, богословие и моногенез // Богословие творения. - М.: Издательство ББИ, 2013. С. 205 – 229.

¹² Копейкин К. Богословие творения и проблема интерпретации теоретической физики // Богословие творения. - М.: Издательство ББИ, 2013. С. 155- 178.

¹³ Кэрролл У. Фома Аквинский и современная космология: творение и начало вселенной // Богословие творения. - М.: Издательство ББИ, 2013. С. 85 - 96.

¹⁴ Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век: Антология. – М.: Юрист, 1995. – 703 с.

¹⁵ Хайдеггер М. Бытие и время. – М., Ad Marginem, 1997. – 452 с.

¹⁶ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии... – М.: Академический Проект, 2009. – 336 с.

метафизического понимания человека (М. Ришир¹⁷, А. Мальдине¹⁸, Ж. Бенуа¹⁹).

В то же время в эпистемологии остаются сильными «интегративные» тенденции (В.А. Лось²⁰), которые предполагают связывание различных эпистемических областей и лежащих в их основе методов на базе идей междисциплинарности, причем как европейскими (П. Фейерабенд²¹, Г. Ленк²²), так и отечественными науковедами (В.М. Розин²³, А.П. Огурцов²⁴). Но интегративность чаще всего осмысливается на холистически-материалистических основаниях, что подразумевает редукцию природы знания и, в конечном счете, опирается на «естественное» понимание происхождения сознания и человека.

Следует отметить, что популярным методологическим ориентиром для современной антропологии, в частности, для понимания антропогенеза, остается эволюционная эпистемология (К. Поппер²⁵), согласно которой само знание человека есть продукт натуралистического, психофизического генезиса. В этом проявляется противоречие, состоящее, с одной стороны, в тенденции к расширению эпистемического поля, стремлению к антропологизации познания, к методологическому плюрализму, а с другой в сохранении антропологического редукционизма. В целом, нельзя не подчеркнуть, что познание антропогенеза сегодня все еще остается без достаточной философской теоретико-методологической артикуляции. Исследования в этом направлении носят ори-

---

¹⁷ Ришир М. Эпохэ, мерцание и редукция в феноменологии // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. – М.: Академический проект, 2014. – с. 209 – 228.

¹⁸ Мальдине А. О сверхстрастности // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. – М.: Академический проект, 2014. – с. 151 – 203.

¹⁹ Бенуа Ж. С той стороны границы // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. – М.: Академический проект, 2014. – с. 269 – 284.

²⁰ Лось В. А. Глобальный интеграл как современная форма взаимодействия наук // Актуальные проблемы философии науки. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – с. 207 – 219.

²¹ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.

²² Ленк Г. К методологии конструктивного реализма... // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. – М.: «Канон+», 2009. – с. 103 – 129.

²³ Розин В. М. Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация. – М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2008. – 600 с.

²⁴ Огурцов А. П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3 частях Часть первая. – СПб, Издательский дом «Мир», 2011. – 502 с.

²⁵ Поппер К. Логика и рост научного знания. – М., «Прогресс», 1983. – 605 с.

ентированный на естествознание объективистский, натуралистический и эволюционистский характер (Ю.И. Ефимов²⁶, М.Б. Конашев²⁷, Е.Е. Нагорных²⁸, В.П. Цаплин²⁹, М.Н. Кочетов³⁰, А.И. Шеманов³¹, В.В. Савчук³², В. Тен³³ и др.).

В современном теоретико-методологическом поле наличествуют субъективистские концепции трактовки проблем антропологии. Одной из них, в качестве трансцендентальной версии, и является феноменология, которая, присутствуя в виде «теневого кабинета», согласно Е.А. Сергодеевой³⁴, содержит в себе потенциал критической и культурологической философии науки. Это имеет перспективу применения феноменологического познания к демаркации различных подходов объяснения происхождения человека, осмысления их культурно-исторических и методологических оснований. Однако, коррелируя в феноменологии с темой «начала», проблема антропогенеза, хотя и является тематически центральной, но с историко-философской и методологической точки зрения остается недостаточно исследованной.

В феноменологическом срезе рассмотрения антропогенеза нам представился значимым историографический аспект, которому мы уделили серьезное

---

²⁶ Ефимов Ю. И. Философские проблемы теории антропосоциогенеза. Л.: Наука, 1981. – 192 с.

²⁷ Конашев М. Б. «Философские проблемы генезиса, структуры и содержания современной эволюционной теории». [электронный ресурс] // режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/filosofskie-problemy-genezisa-struktury-i-soderzhaniya-sovremennoi-evolyutsionnoi-teorii> (дата обращения 30. 04. 2014)

²⁸ Нагорных Е. Е. Проблема движущих сил антропогенеза. [электронный ресурс] // режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/problema-dvizhushchikh-sil-antropogeneza-filosofsko-metodologicheskii-analiz> (дата обращения 30. 04. 2014)

²⁹ Цаплин В. П. Проблема антропогенеза... [электронный ресурс] // режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/problema-antropogeneza-filosofsko-semioticheskii-aspekt> (дата обращения 30. 04. 2014).

³⁰ Кочетов М. Н. Историко-культурная составляющая современных концепций антропогенеза. [электронный ресурс] // режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/istoriko-kulturnaya-sostavlyayushchaya-sovremennykh-kontseptsii-antroposotsiogenez> (дата обращения 30. 04. 2014)

³¹ Шеманов А. Ю. Самоидентификация человека как антропогенетический феномен. [электронный ресурс] // режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/samoidentifikatsiya-cheloveka-kak-antropogeneticheskii-fenomen> (дата обращения 30. 04. 2014).

³² Савчук В. В. Топологическая рефлексия. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 268.

³³ Тен В. В. Из пены морской: инверсионная теория антропогенеза. СПб.: «Облиздат», 2005. – 232 с.

³⁴ Сергодеева Е. А. Феноменологическая версия эпистемологического конструктивизма / Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп: изд-во АГУ, 2010. – Вып. 4 (69). – с. 24 – 29.

внимание. Существенность историографического направления познания подтверждено обращением к идеям С. Фрэнсиса³⁵, Л. Поластроны³⁶, Ф. Анкерсмита³⁷, Г.Г. Шпета³⁸, Г. Гадамера³⁹, Х. Борхеса⁴⁰, Ж. Деррида⁴¹, П. Рикера⁴², Гуссерля⁴³, Б. Кроче⁴⁴.

В порядке воссоздания архива, содержащего тексты религиозно-мифологического содержания по антропогенезу, мы использовали работы А.И. Немеровского⁴⁵, В.В. Евсюкова⁴⁶. В плане раскрытия значимости темы творения, «возвращения», «восстановления», «ностальгии по истокам» показательны труды М. Элиаде⁴⁷. Онтологическое отношение тварного и нетварного представлено в исследованиях А.В. Нестерука⁴⁸, К. Хюбнера⁴⁹. Важными для нас явились творения отцов церкви, видящие в человеке существо целостное и трактующие его разовое, мгновенное происхождение, например, Г. Нисский⁵⁰. В то же время в рамках религиозной историографии существует традиция совмещения данных Откровения и научного эволюционного подхода Д. Шредер⁵¹, М. Хеллер⁵², Д. Хот⁵³, Г. Тайсен⁵⁴, Г. Кюнг⁵⁵, И. Барбур⁵⁶, А. Мень⁵⁷.

В рамках историографии научного объяснения антропогенеза, содержащего сегодня в себе идеи и «направленной эволюции», и «антропного принципа» (Н. Моисеев⁵⁸), отмечаем исследования Ю.В. Чайковского⁵⁹. Особое внимание мы уделили рассмотрению эволюционистской идеи антропогенеза

---

³⁵ Фрэнсис С. Спасая мир: роль библиотек и библиотекарей в сохранении и пропаганде культурного наследия // Вестник Томского государственного университета, 2012 № 4(8). С. 161.

³⁶ Поластрон Л. Книги в огне. История бесконечного уничтожения библиотек. М., «ТЕКСТ», 2007. 397 с.

³⁷ Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: «Канон+», 2009. С. 80.

³⁸ Шпет Г. Г. История как предмет логики // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1988. С. 303.

³⁹ См. Соболева М. Е. Философская герменевтика. М.: Академический Проект, 2014. С. 16.

⁴⁰ Касавин И.Т. На пути от письменного стола к библиотеке и обратно: Интерьер лаборатории Хорхе Борхеса // Историко-философский ежегодник, 1997. С. 328.

⁴¹ Гараджа А. Вавилонское столпотворение // Ежегодник Лаборатории постклассических исследований Института философии Российской Академии наук. М.: Ad Marginem, 1994. С. 392.

⁴² Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. С. 236.

⁴³ Гуссерль Э. Начало геометрии. М.: Ad Marginem, 1996. С. 221.

⁴⁴ Кроче Б. Теория и история историографии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 91.

⁴⁵ Немировский А. И. Ближний Восток: Мифы древности. – М., Лабиринт, 2001. – 351 с.

⁴⁶ Евсюков В. В. Мифы о вселенной. – Новосибирск, Наука, 1988. – 177 с.

⁴⁷ Элиаде М. Ностальгия по истокам. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. – 216 с.

⁴⁸ Нестерук А. Логос и космос. – М., ББИ, 2006. – 443 с.

⁴⁹ См. Хюбнер К. Критика научного разума / М., 1994. с. 312: «Профанное время – в соответствии с нашим сегодняшним его восприятием – течет из прошлого в будущее. Прошлое, настоящее и будущее строго разделены. Прошлое невосвратимо, будущее неведомо. Священное же время, напротив, внутри себя вновь и вновь обращается вспять. Происходившее в прошлом всегда циклически повторяется и в будущем, и тем самым цикл, как Gestalt архэ всегда является вечным настоящим».

⁵⁰ Нисский Г. Экзегетические сочинения. – Краснодар: Текст, 2009. – 464 с.

⁵¹ Шредер Д. Шесть дней творения и Большой взрыв. – Иерусалим: ДААТ-Знание., 2000. – 156 с.

⁵² Хеллер М. Творческий конфликт. – М.: ББИ, 2005. – 216 с.

⁵³ Хот Д. Бог после Дарвина. Богословие эволюции. – М.: ББИ, 2011. – 236 с.

⁵⁴ Тайсен Г. Библейская вера в эволюционной перспективе. – М.: ББИ, 2009. – 243 с.

⁵⁵ Кюнг Г. Начало всех вещей: Естествознание и религия. – М., ББИ, 2007. – 250 с.

⁵⁶ Барбур И. Религия и наука: история и современность. – М., ББИ, 2000. – 430 с.

⁵⁷ Мень А. Магизм и единобожие. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 704 с.

⁵⁸ Моисеев Н. Н. Человек во Вселенной и на Земле // Многомерный образ человека. М.: Наука, 2001. с.57– 73.

⁵⁹ Чайковский Ю. А. Пятьсот лет споров об эволюции // Вопросы философии. 2009 № 2. С. 73.

Ч. Дарвина⁶⁰. Критика и рецепция этой идеи выявлялась нами у отечественных философов и ученых Н. Данилевского⁶¹, Л.С. Берга⁶², И.Т. Фролова⁶³, А.А. Любищева⁶⁴, В.Е., Ларичева⁶⁵, И.Э. Лалаянца⁶⁶. В целом, как в западной, так и в отечественной науке «симиальная» (эволюционная) антропогенетическая доктрина крепко встроена в архитектуру эмпирической антропологии. Это касается, в том числе школ антропогенетики (М.Д. Голубовский⁶⁷, Н.А. Колчанов⁶⁸, Б.Ф. Сергеев⁶⁹, А. Кернс-Смит⁷⁰) и нейрофизиологии (Ч. Ламсдена⁷¹, Дж. Эделмен⁷², С.В. Савельева⁷³). Однако, вопрос о том, насколько проблема антропогенеза обрела научную устойчивость, по мнению ученых не представляется решенным⁷⁴.

В работе мы обращались ко всей традиции истории философии. В современной философии антропогенез рассматривается с различных позиций. Среди философской историографии по антропогенезу следует указать на обзорный труд В.В. Лункевича⁷⁵. Ю.М. Бородай⁷⁶ предлагает психоаналитическое видение, исходящее из теории эволюции⁷⁷. В направлении этой идеи – развития человека и общества во времени – антропогенез объясняется с марксистских, экономически-трудовых позиций (В.В. Тен⁷⁸). Большинство философов (М.Ю. Келигов⁷⁹, Ю.И. Семенов⁸⁰), следуя теоретическим объяснениям науки, развивают эволюционную гипотезу, согласно которой человек является звеном в цепи космопланетарного процесса. Начало и качество жизни и разума

---

⁶⁰ Дарвин Ч. Происхождение человека и половой подбор. – С-Петербург, 1896. – 446 с.

⁶¹ Данилевский Н.Я. Дарвинизм. Критические исследования. Т.1. часть 1. – С-Петербург, 1885. – 519 с.

⁶² Берг Л. С. Труды по теории эволюции. – Л., 1977. – 338 с.

⁶³ Фролов И. Т. Очерки методологии биологического исследования. М.: Издательство ЛКИ, 2007. с. 115.

⁶⁴ Любищев А. А. Дисперсионный анализ в биологии. – М., изд-во Московск-го унив-та, 1986. – 200 с.

⁶⁵ Ларичев В. Е. Поиски предков Адама // Мироздание и человек. – М.: Политиздат, 1990. – с. 123 – 242.

⁶⁶ Лалаянц И. Э. Шестой день творения // Мироздание и человек. – М.: Политиздат, 1990. – 352 с.

⁶⁷ Голубовский М. Д. Век генетики: эволюция идей и понятий. – СПб., Борей Арт, 2000. – 262 с.

⁶⁸ Колчанов Н. А., В. В. Суслов В. К. Шумный Молекулярная эволюция генетических систем // Палеонтологический журнал, 2003, № 6, с. 58 – 71.

⁶⁹ Сергеев Б. Ф. Ступени эволюции интеллекта. – Л.: Наука, 1986. – 192 с.

⁷⁰ Кернс-Смит А. Дж. Первыми организмами могли быть кристаллы глины. [электронный ресурс] // режим доступа: http://royallib.ru/book/kernssmit_a/pervimi_organizmami_mogli_bit_kristalli_glini.html

⁷¹ Ламсден Ч. Нуждается ли культура в генах? / Ч. Ламсден // Эволюция, культура, познание. – М.: ИФРАН, 1996. – с. 128 – 137.

⁷² Эделмен Дж. Разумный мозг. – М.: Мир, 1981. – 134 с.

⁷³ Савельев С. В. Происхождение мозга. – М.: Веди, 2005. – 368 с.

⁷⁴ Как замечает М. В. Пропп, «кости и камни молчат о том, когда и как появился язык, каковы были социальная жизнь и психология этих древних людей. < > Мы знаем о них гораздо меньше, чем об обезьянах. Если не появится машина времени, многое останется навсегда неясным». См. Пропп М. В. Homo naturalis: Кто мы? Зачем мы? Куда идем? М., Лабиринт, 2003. с. 17.

⁷⁵ Лункевич В. В. От Гераклита до Дарвина. Очерки по истории биологии. – М.: 1960. – 241 с.

⁷⁶ Бородай Ю. М. Эротика – смерть – табу. – М.: Гнозис, 1996. 416 с.

⁷⁷ Там же, с. 156.

⁷⁸ Тен В. В. Из пены морской: инверсионная теория антропогенеза. – СПб., «Облиздат», 2005. – 232 с.

⁷⁹ Келигов М. Ю. Homo sapiens: преходящий феномен. – М., «Академический проект», 2012. – 224 с.

⁸⁰ Семенов Ю. И. Как возникло человечество. – М., Наука, 1966. – 576 с.

приписываются самой материи (О.А. Базалук⁸¹). Философская критика эволюционизма особенно присутствует в работах Ф. Шеллинга⁸², О. Шпанна⁸³, О. Шпенглера⁸⁴.

Господство в современных эпистемологии и философской антропологии натуралистического подхода к антропогенезу заставляет задуматься и над его предпосылками, и над альтернативными подходами. Одним из них является феноменологический подход, отличающийся субъективизмом трансцендентального типа и интуитивистской методикой познания. Несмотря на отсутствие термина «антропогенез» в феноменологической традиции, проблема генезиса и начала человеческой истории в ней решалась. Это позволяет, по крайней мере, ассоциировать, связывать и видеть единое поле вопросов в естественнонаучном и феноменологическом подходах к проблеме происхождения человека. Однако феноменологическая традиция не является однозначной. В рамках натуралистической феноменологии (У. Матурана, Ф. Варела⁸⁵), имеющей российских последователей (И.П. Меркулов⁸⁶, И.А. Бескова⁸⁷), человек осмысливается из предпосылок целостного, телесного, биоэпистемологического подхода, опирающегося на эволюционистское понимание природы сознания человека.

И все-таки базовым в феноменологии является чистый (от всего психофизического) трансцендентальный методологический подход, имеющий, правда, различные направления. С трансцендентально-антропологической точки зрения вопрос об начале решался Э. Гуссерлем в качестве вопроса о «границе» опыта⁸⁸. Осмысление «процесса происхождения» осуществлялось им из проблемы исторической традиции передачи знания о нем⁸⁹. В качестве «пограничного феномена» вопрос о начале решался Э. Стэйнбоком⁹⁰. У Стэйнбока разработана методологическая сторона познания феномена «рождения». Проблема «рождения» анализируется в феноменологии Т.В. Щитцовой⁹¹. В рамках феноменологической антропологии (Р. Ингарден⁹², П.

---

⁸¹ Базалук О. О. Світобудова: жива і розумна матерія (історико-філософський та природничонауковий аналіз у світлі нової космологічної концепції). Дніпропетровськ: Пороги, 2005. с. 27.

⁸² Шеллинг В. Й. Философия откровения. Т. 1. – СПб., «Наука», 2000. – 699 с.

⁸³ Шпанн О. Философия история. – СПб.: Изд-во С.- Петерб. ун-та, 2005. – 485 с.

⁸⁴ Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век: Антология. – М.: Юрист, 1995. – 703 с.

⁸⁵ Матурана У., Варела Ф. Древо познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.

⁸⁶ Меркулов И.П. Когнитивная модель сознания // Эволюция. Мышление. Сознание. М.: Канон, 2004. с. 35- 64.

⁸⁷ Бескова И. А. Природа и образы телесности. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 456 с.

⁸⁸ Гуссерль Э. Картезианские размышления / Логические исследования. – Мн.: Харвест, 2000. – с. 289 – 542.

⁸⁹ Гуссерль Э. Начало геометрии. – М., Ad Marginem, 1996. – 267 с.

⁹⁰ Стэйнбок Э. Пограничные феномены и пограничность опыта // Топос № 2-3 (22), 2009. – с. 192 – 213.

⁹¹ Щитцова Т. В. Понятие события и философское обоснование гуманитарных наук у Бахтина. – Praha, Virtus, 2000. – 120 с.

⁹² Ингарден Р. Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля. М: Дом интеллектуальной книги, 1999. 224 с.

Шульц⁹³, Л. Эмбри⁹⁴, А.Ф. Зотов⁹⁵, О. Мухутдинов⁹⁶) актуальными для исследуемой проблемы становятся темы «живого тела», целостности человека. В связи с проблемой «начала» особое внимание рядом исследователей обращается на уникальность человеческого тела (В. Подорога⁹⁷, М. Мерло-Понти⁹⁸), языка (О.А. Донских⁹⁹). Все это имеет прямое отношение к вопросу об антропогенезе.

Генетическая проблематика в феноменологии при постоянной артикуляции методологического компонента познания актуализировалась Э. Гуссерлем¹⁰⁰, П. Прехтлем¹⁰¹, А.Э. Савиным¹⁰², М.О. Шпарагой¹⁰³, В.У. Бабушкиным¹⁰⁴. Важные идеи в рамках феноменологии начала эксплицированы в работах М. Хайдеггера¹⁰⁵, Э. Левинаса¹⁰⁶. Начало (антропогенез) осмысливается в форме философской идеи «вечного» и «жертвенного» возвращения¹⁰⁷. Данный срез открывает перспективу этического подхода к антропогенезу в рамках феноменологии, что отражается в исследованиях О.К. Румянцева¹⁰⁸.

Связь проблемы антропогенеза с проблемой начала открывает такие темы как согласованность и рассогласованность опыта, телеологии (Г. Чернавин¹⁰⁹), языка (Г.Г. Шпет¹¹⁰, Ж. Деррида¹¹¹), времени (А. Козырева¹¹²), личности (Э. Левинас¹¹³). Методологически они подлежат феноменологической гер-

---

⁹³ Шульц П. Философская антропология. – Новосибирск: НГУ, 1996. – 118 с.

⁹⁴ Эмбри Л. Рефлексивный анализ. Первоначальное введение в феноменологию. М., Три квадрата, 2005. 222 с.

⁹⁵ Зотов А. Ф. Проблема человека у «позднего» Гуссерля // Буржуазная философская антропология XX века. – М., Наука, 1986. – с. 214 – 226.

⁹⁶ Мухутдинов О. Трансцендентальные основания феноменологии // Топос. Философско-культурологический журнал. № 1 (12) 2006. – с. 23 – 32.

⁹⁷ Подорога В. А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М., AdMarginem, 1995. 340 с.

⁹⁸ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб., «Ювента» «Наука», 1999. – 606 с.

⁹⁹ Донских О. А. Происхождение языка как философская проблема. – Новосибирск: Наука, 1984. – 127 с.

¹⁰⁰ Гуссерль Э. Эгологическая и гилетическая временность в генетической перспективе // Horizon. Т. 1. № 1, 2012. – с. 96 – 114.

¹⁰¹ Прехтль П. Введение в феноменологию Гуссерля. – Томск, «Водолей», 1999. – 96 с.

¹⁰² Савин А. Э. О сущности феноменологической философии // Horizon 4 (1) 2015. – с. 9 – 37.

¹⁰³ Шпарага О. Феноменология опыта: опыт как «почва и горизонт» познания // Логос № 2, 2001 (28). с. 103 – 122.

¹⁰⁴ Бабушкин В. У. Феноменологическая философия науки: критический анализ. – М.: «Наука», 1985. 181 с.

¹⁰⁵ Хайдеггер М. Метафизическая концепция Ницше. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 176 с.

¹⁰⁶ Левинас Э. Открывая существование с Гуссерлем и Хайдеггером / Избранное. Трудная свобода. – М., «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 752 с.

¹⁰⁷ «Хотеть обратно» – это значит вновь и вновь решительно бросаться вперед к будущему, навстречу Вечному Возвращению того же самого: не мстить минувшему, но нести на себе «было» как свою собственную историю, как исток, который ждет нас впереди». (См. Жук И.В. Время – вечность в учении о Вечном Возвращении Фридриха Ницше / Судьба европейского проекта времени. М.: Прогресс-Традиция, 2009 стр. с. 320.)

¹⁰⁸ Румянцев О. К. Механизм преемственности: начало истории культуры всегда «еще только» возникает // Судьба европейского проекта времени. – М.: Прогресс-Традиция. – 2009. – с. 423 – 470.

¹⁰⁹ Чернавин Г. Телеология согласованности опыта в феноменологии Гуссерля // Horizon 2 (1) 2013. с. 28 – 47.

¹¹⁰ Шпет Г. Г. История как предмет логики // Историко-философский ежегодник. – М., Наука, 1988. с. 290-319.

¹¹¹ Деррида Ж. Введение // Гуссерль Э. Начало геометрии. – М., Ad Marginem, 1996. – 267 с.

¹¹² Козырева А. С. Интенсивность аффективной силы между воспоминанием и повторением в феноменологии Э. Гуссерля // Вопросы философии. – 2012 № 6. – с. 131 – 138.

¹¹³ Левинас Э. Открывая существование с Гуссерлем и Хайдеггером / Э. Левинас. Избранное. Трудная свобода. – М., «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 752 с.

меневтике фактичности, предполагающей «*всегда уже* преобладающую истолкованность»¹¹⁴ бытия человека. Предельное метафизическое обоснование опыта изначальности посредством анализа протофеноменов трансцендентальной жизни, совпадающее с антропогенетической проблематикой, разрабатывалась А. Шнеллем¹¹⁵, Л. Тангели¹¹⁶, К. Кэлером¹¹⁷, Л. Ландгребе¹¹⁸, О. Финком¹¹⁹. В этом же ключе мотивы вопрошания о начале с особой остротой звучат в пост(феноменологической) философии у представителей французской школы (М. Анри¹²⁰).

Несмотря на многочисленность исследований, нельзя признать, что теоретико-методологическая проблема познания антропогенеза достаточно тематизирована в рамках эпистемологии и феноменологии. Это оставляет открытым данное и для феноменологии перспективное направление исследования и возможность его «строгого» научного изучения, объяснению чего и посвящена наша диссертация.

В начале исследования мы представим объяснение в отношении интерпретации ряда понятий, уже имеющих признанную научную кодификацию, но в нашей работе используемых в преобразованном и расширительном значении.

Антропогенез – понятие, закрепленное за естествознанием и означающее процесс биологической эволюции человека, постепенное выделение его из животного мира и формирование в нем высокоразвитых современных свойств. Нами этот термин понимается как адекватный факту происхождения человека, при этом несущий в себе, помимо физических аспектов, коннотации философского эпистемологического характера, в том числе, вопросы о сознании, языке, смысле, времени, холизме, возможностях познавательной и экзистенциальной жизни субъективности. В этом же смысле нами используется прилагательный термин *антропогенетический /ая, ое, ие*.

Историография – понятие, которое означает и специальную науку, исследующую историю развития исторической или какой-либо специальной темы, и совокупность исторической литературы вообще. Это ключевое для нашей темы понятие используется в широком смысле знания всех источников и вырастающих на их основе исследований по проблеме антропогенеза, включающих древние и современные, религиозно-мифологические, научные и философские тексты.

---

¹¹⁴ Артеменко Н. А. Хайдеггеровская «потерянная» рукопись: на пути к «Бытию и времени». – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2012. С. 50.

¹¹⁵ Шнелль А. Время и феномен // Horizon 2 (1) 2013. – с. 83 – 117.

¹¹⁶ Тангели Л. Феноменология и категории опыта // Horizon. Т. 2(1) 2012. – с. 201 – 219.

¹¹⁷ Кэлер К. Сознание и его феномены... / Horizon. Т. 3 (1) 2014. – с. 171 – 192.

¹¹⁸ Ландгребе Л. Проблема пассивного конституирования // Horizon. Т. 1 (1) 2012. – с. 137 – 157.

¹¹⁹ Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. – М.: «Прогресс», 1988. – с. 357 – 403.

¹²⁰ Анри М. Неинтенциональная феноменология: задача феноменологии будущего // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. – М.: Академический проект, 2014. – с. 43 – 57.

Феноменологический метод – созерцательный и понимающий способ схватывания целостных форм и глубинных смыслов явлений, интуитивная реактивация и дескрипция их смысловых горизонтов, восстановление их полного смыслового генезиса на основе рефлексии над субъективными трансцендентальными (темпоральными, конститутивными, смысловыми) структурами субъективности (сознания).

Объект исследования. Эпистемологические проблемы антропологии.

Предмет исследования. Феноменологическое исследование проблем антропогенеза.

Цель и задачи исследования.

Цель исследования. Критическое феноменологическое осмысление объективистского теоретико-методологического подхода объяснения антропогенеза и реконструкция феноменологического подхода в познании антропогенеза. Для осуществления цели исследования предполагается решение следующих задач:

1. Определить теоретико-методологический статус господствующего объективистского подхода в объяснении антропогенеза и обозначить перспективы феноменологического познания антропогенеза.

2. Осуществить классификацию современных подходов исследования антропогенеза и выявить их методологические и культурно-мировоззренческие предпосылки.

3. Произвести критический методологический анализ господствующих естественнонаучных и гуманитарных исследований антропогенеза и определить уровень их соответствия современным постнеклассическим методологическим тенденциям в развитии научного познания.

4. Обосновать теоретико-методологическое значение историографического подхода в исследовании проблемы антропогенеза и осуществить феноменологическую демаркацию методологических возможностей ее интерпретации в трех основных кластерах познания (в науке, религии и философии).

5. Эксплицировать историографический компонент в контексте феноменологического познания и осуществить историографический анализ основных религиозно-мифологических, философских и естественнонаучных теорий антропогенеза.

6. Обосновать статус и теоретическую значимость проблемы антропогенеза в рамках феноменологической философии и артикулировать направления и методологические возможности ее феноменологического исследования.

7. Реконструировать философские представления об антропогенезе Э. Гуссерля и М. Хайдеггера.

8. Артикулировать основные проблемы и категории феноменологического исследования антропогенеза.

Гипотеза исследования.

Проблема антропогенеза является не столько естественнонаучной, эмпирической и прикладной, сколько сложной философской проблемой эпистемо-методологического характера. Ее решение предполагает критический и,

в том числе, историко-культурный анализ теории и методологии антропологического познания. Критическому рассмотрению подлежит господствующая объективистская методология, поддерживающая и воспроизводящая натуралистическую парадигму познания, в рамках которой остается трудноразрешимым вопрос о сознании человека. Она обладает гипотетико-вероятностным статусом, что отражается, например, на неочевидных эволюционистских способах объяснения происхождения человека. Экспликация проблематики антропогенеза на основе феноменологической методологии как усмотрения и описания трансцендентальных структур субъективности представляется не менее продуктивным направлением исследования. Раскрываемые в феноменологии самоданные переживания бытия человека указывают на идентичность современного и исторически первого человека и позволяют отобразить целый спектр антропогенетических смыслов, структур и проблем.

Теоретико-методологические основания исследования.

В качестве методологической основы исследования выступает феноменологический метод. В антропологии и, конкретно, применительно к проблеме антропогенеза он проявляется в целостном видении и дескрипции человеческого бытия, как его внешней (телесной) структуры, так и внутренней – непосредственно сознаваемого смыслового мира. Руководящим принципом является Принцип очевидности, выявляющий феноменологию в качестве наукоучения и придающий ей статус строгой науки. Он предполагает запрет на выход за пределы самоданности человеческого бытия и, соответственно, критическое отношение к теоретическому конструктивизму гипотетико-вероятностного метода познания. Метод очевидности (интуиции) обязывает в познании оставаться в границах актуального сознания и, значит, рассматривать антропогенез в качестве современного события. Разработанные Э. Гуссерлем методы аналогизирующей аппрезентации и анализа внутреннего сознания времени способствуют идентификации современного и исторически первого мышления. Такой субъективистский подход нацелен, прежде всего, на прояснение (метод прояснения особо описан в феноменологии¹²¹) смысловой сферы сознания, что позволяет исследовать проблему антропогенеза с точки зрения смысла бытия человека. При этом и природа сознания, и специфика познания антропогенеза рассматриваются нами в трансцендентальном аспекте. Это значит, что мы пытались исследовать господствующие теории и методы в антропологии и, собственно, сам феномен антропогенеза не с эмпирического ракурса, а с точки зрения сущностных, идеальных, рациональных, субъективно обеспеченных условий их возможности. Благодаря феноменологическому гносео-методологическому концепту «смыслонаделения» антропогенез предстает проблемой интерпретационной, находящейся в поле языка, означивания, понимания, предпонимания. В диссертации мы особое внимание уделили историографическому методу, поскольку антропогенез уже истолкован в многочисленных культурно-исторических традициях, которые необходимо учитывать и переосмыслять. Нами использовался метод культурно-исторического

---

¹²¹ Гуссерль Э. Метод прояснения // Современная философия науки. – М.: «Логос», 1996. – с. 365 – 375.

анализа. Исходя из общего замысла исследования, предполагающего стыковку различных предметных регионов (проблема антропогенеза, антропология, феноменология), мы применяли метод синтетический и компаративистский (сравнительный), а также методы историко-научного, историко-философского и историко-культурного анализа.

Научная новизна исследования отражена в следующих тезисах:

1. Обосновано, что в отличие от господствующего объективистского естественнонаучного подхода феноменологический подход к интерпретации проблемы антропогенеза, исходящий из субъективистского и холистического типа антропологии, в котором учитывается органическая взаимосвязь телесной и духовной онтологии человека, позволяет увидеть теоретико-методологическую неоднозначность научного объяснения и указать на эпистемологическую сложность и своеобразность проблем антропогенетического познания. Показано, что феноменология обладает методологическими ресурсами проведения демаркации существующих теорий антропогенеза.

2. Произведена классификация современных подходов исследования антропогенеза на религиозные, философские и научные; выявлены объективистские методологемы, лежащие в основе этих подходов, такие как диалектика, силлогистика и математика. Выдвинут и доказан тезис об онтической культурно-мировоззренческой природе указанных методологем, что отражается на натуралистической специфике господствующих сегодня способах интерпретации антропогенеза.

3. Выявлено несоответствие естественнонаучных и гуманитарных теорий антропогенеза современным постнеклассическим методологическим тенденциям развития научного познания, что отражается в дефиците у них критической философско-методологической рефлексии, учитывающей специфические гносеологические, онтологические и социокультурные основания познания. Продемонстрировано, что феноменологическая философия, тематически обращенная к трансцендентальному прояснению методологии, а также исторических, смысловых, темпоральных и конститутивных оснований знания, соответствует современным эпистемологическим и теоретико-методологическим нормам, предъявляемым к научным исследованиям, и является перспективной методологией в объяснении проблемы антропогенеза.

4. Обосновано теоретико-методологическое значение для познания антропогенеза историографического подхода, который предполагает выявление существующих текстов о происхождении человека и представление полной картины знания об антропогенезе. Произведена феноменологическая демаркация естественнонаучного, религиозного и философского методов познания проблемы происхождения человека.

5. Раскрыто историографическое измерение феноменологии в качестве условия анализа смысловой intersубъективной сферы сознания. Обоснована позитивность и перспективность историографического направления исследо-

вания антропогенеза в контексте феноменологической философии. Реконструирована историография основных учений об антропогенезе в религиозном, философском и научном кластерах знания.

6. Обоснована идея центральной теоретической значимости проблематики антропогенеза для феноменологической философии. Продемонстрировано, что экспликация истины бытия разума (субъективности) совпадает с раскрытием истины происхождения как исторического начала и является имманентной стратегической целью феноменологического познания, подчиняющей себе частные трансцендентальные анализы сознания. Выявлены и проанализированы основные направления и возможные линии феноменологического познания (эпистемологического, гносеологического, онтологического и методологического) происхождения человека.

7. Реконструированы идеи Э. Гуссерля и М. Хайдеггера о происхождении человека, основанные на феноменологическом признании первичности и критериальном значении сознания, и имеющие как методологическое, так и онтологическое измерения. В феноменологии Э. Гуссерля антропогенез осмысливается из фактичности смысловой субъективной жизни человека, а у М. Хайдеггера – из интуиции единства антропологии и онтологии.

8. Представлена феноменологическая модель понимания антропогенеза, основанная на рассмотрении таких категорий как антропность, сверхрациональность, бытие, время, личность, познание. Аргументировано, что генезис человека имеет негарантированное, сверхрациональное, антропное, смысловое измерение, что темпоральный способ антропогенеза в феноменологии аутентично характеризовать мгновением, что познание истины антропогенеза находится на пути личностного самопознания, межличностного общения, деконструкции научных теоретических объективаций.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Современные решения проблемы антропогенеза осуществляются преимущественно в субъект-объектной, естественнонаучной парадигме, что определяет ее гипотетический и релятивный теоретико-методологический статус. В соответствии с феноменологической традицией проблема антропогенеза уже принадлежит кругу субъективного осознания, допускающем правомерность различных, в том числе необъективистских интерпретаций. Такое различие в подходах обязывает к критическому прояснению теоретико-познавательных и культурно-мировоззренческих оснований объективистского, естественнонаучного способа исследования антропогенеза. Особенностью феноменологического познания является значимая для проблематики антропогенеза ориентированность на холистическую (нередукционистскую) антропологию, учитывающую уникальность как физической, так и смысловой жизни человека. Тематическая обращенность к исследованию жизненного мира сознания как источника, в частности, возможных интерпретаций антропогенеза, а также к радикальному уяснению природы и методологии познания, дает феноменологии право осуществления методологической демаркации существую-

щих антропогенетических теорий, и возможность развивать собственную модель трансцендентального и субъективно-смыслового познания антропогенеза.

2. В современной эпистеме главенствуют три основных подхода объяснения антропогенеза: религиозный, естественнонаучный и различные версии их философского синтеза. Преобладающей методологической предпосылкой в указанных подходах является объективизм, проявляющийся в некритическом оперировании мыслительными объективациями (понятиями, концептами, числами), в догматическом признании объектности и материальности мира и человека, в конструктивизме при объяснении происхождения человека. Структуру объективистской методологии образуют такие фундаментальные способы познания, как силлогистика, диалектика и математика, специфика которых заключается в оперировании уже сложившимися связями языка, идей, цифр, что задает мышлению определенную предметную логику. Они неявно ориентируют мышление на сущее, предметное, наглядное, формируя восприятие человека вместе с его разумом как объекта среди объектов, извне в качестве природного существа. Эти методы имеют как теоретическое, так и культурно-мировоззренческое измерение, поскольку имплицитны многим древним религиозным учениям, а их воспроизводство в историко-философском дискурсе позволяет устойчиво и непреодолимо транслировать скрытый в них объективистский характер познания и мировоззрения. Историко-культурное и гносеологическое осмысление объективизма наиболее глубоко осуществляется в рамках феноменологической философии, в которой проясняется способ рефлексивной и смысловой интерпретации антропологии, антропогенеза и антропологического подступа к онтологии.

3. Анализ уровня методологического самоконтроля в господствующих сегодня естественных и гуманитарных теориях антропогенеза обнаруживает ситуацию размежевания в них тематического и методологического аспектов, что проявляется в некритическом использовании естественнонаучной объективистской методологии в антропологической сфере, в инструментарном применении методов и понятий, не учитывающих социокультурные и эпистемологические предпосылки. Осуществляемые исследования, непосредственно обращенные к экспликации методологических проблем познания антропогенеза, остаются в естественнонаучной классической, отличающейся фундаментализмом и редукционизмом, парадигме познания. Они не соответствуют современным постнеклассическим тенденциям в эпистемологии, в которых учитываются философские и экстерналистские (внешние) для науки факторы познания. Постнеклассическим нормам научности адекватна феноменологическая философия, которая исходит из принципов субъективизма, признания гносеологической значимости смыслов жизненного мира и авторефлексивности. Ее методологический потенциал перспективен в решении проблемы начала, происхождения и в тематическом направлении анализа генеративных вопросов, а также в прояснении теоретико-методологических вопросов познания антропогенеза.

4. Теоретико-методологическое значение историографического подхода к исследованию проблемы антропогенеза обосновано идеями гетерогенности ее представления и рациональной легитимности ее объяснения во всех основных кластерах знания, в естествознании, философии и религии. Историографическая реконструкция библиотеки антропогенетического знания, где наряду с естественнонаучными исследованиями, учитываются религиозно-мифологические и философские тексты, позволяет изучить и осмыслить мировоззренческие и методологические основания, типы, историческую преемственность различных теорий антропогенеза. Теоретическая цель обращения к историографическому подходу в познании антропогенеза состоит в изучении полного горизонта знания о нем и осуществлении демаркации применяемых методов в основных кластерах знания. Феноменологическая рациональность, основываясь на принципах историчности, рефлексивности, беспредпосылочности и трансцендентального анализа жизненного мира сознания, позволяет реактивировать смыслы и осуществлять демаркацию наличных в историографии методологием познания антропогенеза. Демаркационная граница научного методологического подхода к изучению антропогенеза прослеживается в объективизме натуралистического, эволюционистского, экспериментально-конструктивистского характера. Демаркационными чертами религиозной интерпретации антропогенеза являются принципы целостности, системности, догматичности и конфессиональности. Воспроизводство в религиозных исследованиях философско-научных методов специфицирует эту методологию в качестве объективистской. Философское познание происхождения человека имеет предпосылочный и личностный характер, поэтому его демаркационные параметры состоят: а) в методологическом сохранении базовых, получающих социально-культурное признание, религиозных или научных учений; б) в возможности выработки субъективистской методологии познания антропогенеза.

5. Актуализация в феноменологической философии «реактивирующих» и герменевтических типов анализа, которые нацелены на извлечение смыслов, вплетенных в текстуальную (логическую) плотность, означает факт познавательной обращенности феноменологии к историографическому материалу. Историография является источником и условием позитивного исследования различных регионов бытия, в том числе проблемы антропогенеза. Ее феноменологическое применение к интерпретации антропогенеза предполагает реконструкцию и, возможно, деконструкцию существующих в мировой эпистеме взглядов по данному антропологическому вопросу. Феноменология ориентирована на установление баланса между личным «историографическим мастерством» феноменолога и сохранением собственных традиций учений о происхождении.

6. В феноменологии специфика проблемы антропогенеза заключается в экспликации и осмыслении условий возможности изначальной человеческой субъективности (разума и тела); она совпадает со стратегической целью феноменологического познания, которая состоит в реактивации и описании изна-

чальных смысловых структур трансцендентальной субъективности. Антропогенез мыслится в феноменологии из всегда изначального актуального очевидного сознания в модусе настоящего методом трансцендентального самопознания. Тема антропогенеза является имманентной разуму и тождественной знанию всей системы феноменологии в генетическом смысле, поэтому для ее раскрытия требуется всесторонний системный подход феноменологического исследования, что подразумевает выяснение методологических, конститутивных, темпоральных, генеративных проблем феноменологического познания. Основными перспективными направлениями феноменологического познания антропогенеза являются: эпистемологический (обоснование научности познания, демаркация методов и учений антропогенеза в религии, философии и науке); онтологический (уяснение смысловой и природной структуры человека); гносеологический (обоснование теории познания в форме интенционального анализа прафеноменов субъективности); методологический (раскрытие основных принципов и методов познания и комплементарности исследовательского потенциала феноменологии).

7. Реконструкция учения Э. Гуссерля об антропогенезе при отсутствии у него самого этого понятия и окончательного теоретического решения идеи происхождения человека основывается на анализе трехчастной структуры человека, его тела, души и духа, в качестве цельного и неделимого уже бытия, и также – на объяснении им генезиса сознания концептами «чуда из чудес», «непонятности», «непостижимого толчка». Его учение о предельных проблемах генезиса жизни и исторического начала человека ориентировано не онтологическим вопрошанием, а конкретным анализом процесса сознательного конституирования опыта. Проблема начала предстает в модусах самоистолкования, в спектре таких методологически артикулированных линий анализа как генерации и традиционной трансляции смыслов, аппрезентации животности, конституирования «чужой» геоисторической сферы, гендерных различий и т.д. Вопрос об антропогенезе относится к проблемам метафизическим, к «метафизике фактичности», в которой субъективность в трансцендентальной установке может описываться в категориях иррациональных трансцендентальных фактов (события, встречи, судьбы, смерти), в качестве предельных прафеноменов ориентирования человека в мире (свершения, творения, бытия-друг-для-друга, различных модусов глубинных переживаний). Другими словами, феномены как идеальные, сущностные, смыслы и конститутивные способы функционирования чистого сознания несут в себе «печать» генезиса человека.

В философии М. Хайдеггера термин «антропогенез» также не разработан, но в определенной реконструкции открывается, что проблема антропогенеза имеет в этой философии онтологическое измерение, при котором Бытие и человек мыслятся в совпадении, нераздельно. Темпоральность явления Бытия, Начала, характеризуется категорией мгновения. Мысль о Бытии, согласно М. Хайдеггеру, решается герменевтически в виде истолкования осуществления человека в самой природе его экзистенции (власть, труд, страх, забота, мысль).

8. В рамках феноменологического подхода проблема антропогенеза в качестве проблемы начала рассматривается из трансцендентального гносеологического ракурса познания, где она преодолевает скептический, гипотетико-вероятностный характер, и выходит к обоснованию предельного, онтологического, масштаба существования человека. Феноменологический подход к решению проблемы антропогенеза предполагает использование таких категорий как целесообразность опыта, сверхрациональность, Бытие, эсхатология, время, личность, общение, познание. Телеологическая согласованность опыта, его непреодолеваемая разумность, точная соразмерность человеческому восприятию и пониманию наводят на идею антропности бытия и, соответственно, разумности генезиса. Признание Гуссерлем онтологической необеспеченности и несамодостаточности человека включает в себе феноменологическую интуицию о необязательности бытия человека, иррациональности факта его происхождения, идею сверхрациональности. В то же время экзистенциально-когитальная самоданность бытия подчеркивает его неслучайный, даровый и абсолютный характер, лишаящий смысла вопрошание о том, что позади или вне сознания. Принцип идентификации и возвратного отношения с Бытием (например, у М. Хайдеггера и Э. Левинаса) открывает для феноменологии перспективу эсхатологического и этического понимания антропогенеза. Уникальность, нередуцируемость и цельность субъективной природы человека подводят мысль к признанию темпорального аспекта мгновенности акта антропогенеза. Возникающее с человеком феноменологическое время, функционируя в качестве абсолютного синтеза сознания и, тем самым, обеспечивая сохранность историчности и идентичности человека, оказывается фундаментальным трансцендентальным условием тождественности и неизменности природной формы первого и современного человека. Оно полагает возможность методологической инверсии: современный человек является демаркационной реальностью, всегда актуально открывающий в себе доступ к истине своего начала. Основанная на очевидности, эта методологическая идея определяет перспективу личного феноменологического самопознания и герменевтику в качестве научного способа познания антропогенеза. Феноменологические категории единственности, личности, intersубъективности, а также антиэссенциальное представление о времени, приводят мысль к идее личностного (ипостасного) измерения антропогенеза, допускающем онтологию Иного.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования.

Научно-теоретическая значимость исследования состоит в новой постановке вопроса о теоретико-методологических основаниях современного познания проблемы антропогенеза, при которой естественнонаучная парадигма, преобладающая в научном и образовательном пространстве, подвергается критическому переосмыслению с точки зрения феноменологических принципов познания. Это расширяет взгляд на проблематику объяснения генезиса жизни и человека, обосновывая важность рефлексивно-смыслового, историко-культурного, герменевтического подходов к изучению этой проблемы. Исследование намечает перспективу историографического изучения антропогенеза,

апробируя его позитивность и легитимируя научность рассмотрения всего корпуса учений о происхождении человека в религии, философии и науке, а также осмысление лежащих в их основе идей и методологием. Научная значимость исследования заключается в актуализации познания антропогенеза в рамках феноменологической философии, что приводит феноменологию и антропологию к методологическому и идейному взаимообогащению. Полученные результаты могут быть использованы в последующих философско-методологических анализах вопросов антропогенеза, в учебных курсах по философии и истории науки.

Феноменологическое осмысление антропогенеза имеет онтологическое и мировоззренческое измерение и может быть использовано в личностном, культурно-историческом и социально-политическом контекстах.

Апробация исследования.

Различные части диссертационного исследования и основные его положения обсуждались на заседаниях кафедр Экономики и управления и Обще-научной подготовки Северо-Кавказского филиала Московского технического университета связи и информатики, на XIV международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, октябрь 2018г.), на международной научно-практической конференции СКФ МТУСИ «ИНФОКОМ-2018» (Ростов-на-Дону, апрель 2018г.), на региональной научно-теоретической конференции «Государство, общество и Церковь» в ФГКОУ ВО РЮИ МВД России 14 июня 2017г., на Международной научно-практической конференции «Новая наука: стратегии и векторы развития» (Магнитогорск, 8 февраля 2017г.), на Всероссийской научной конференции «История феноменологической философии и современные феноменологические исследования» (Москва, РАН, 11 ноября 2014г.), на конференции «Европейская философия: до и после Канта», посвященной 290-летию со дня рождения И. Канта (Ростов-на-Дону 2014г.), на Международной научной конференции «Бердяевские чтения», посвященных 140-летию со дня рождения выдающегося русского философа (Донецк, 1914 г.), на Второй международной научно-практической конференции «Общество на рубеже веков» (Пермь, 2014г.), на Молодежной научно-практической конференции СКФ МТУСИ «ИНФОКОМ-2012» (Ростов-на-Дону, 2012г.), на международной научно-практической конференции «Россия и славянский мир и интеллектуальном контексте времени» (Славянск-на-Кубани, 2012г.), на межвузовской научно-практической конференции «Прикладная информатика и экономика» (Ростов-на-Дону, 2008г.), на «Третьем Российском философском конгрессе» (Ростов-на-Дону, 2002 г.), и др. Основные результаты диссертационного исследования отражены в 24 научных публикациях автора (из которых 2 монографии, 17 статей, опубликованных в журналах, рецензируемых ВАК РФ и 5 публикаций в сборниках научных трудов).

Структура диссертации и ее объем. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, содержащих 15 параграфов, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее теоретической разработанности, формулируются объект, предмет, цели, задачи и основная гипотеза исследования, его теоретико-методологические основания, положения научной новизны и положения, выносимые на защиту, научно-теоретическая и практическая значимость результатов диссертационного исследования, его апробация.

Первая глава «Проблема антропогенеза в современном эпистемологическом контексте» посвящена обоснованию эпистемологического характера проблемы антропогенеза.

В первом параграфе «Теоретико-методологическая проблема исследования антропогенеза и перспективность феноменологического подхода» осуществляется прояснение статуса проблемы антропогенеза в современном эпистемологическом контексте. Утверждается, что антропогенез всегда есть определенный вид знания. Интерпретативная и герменевтическая принадлежность относит эту проблему к эпистемологической плоскости, соответственно, обязывая учитывать вопросы историчности познания, методологии, различные подходы в антропологии, интерпретации физического и субъективного бытия человека. Идея целостности, холистичности человека принимается в диссертации в качестве условия и критерия адекватного познания происхождения человека. Подчеркивается, что проблема антропогенеза взаимосвязана со сложными вопросами о бытии сознания. Их открытость признают ведущие когнитивисты, считающие, что «непризнание дуализма как средства решения проблемы отношения духовного и телесного, не означает, что есть бесспорные аргументы в пользу натуралистического монизма»¹²². Решение подобных научных вопросов, согласно В.А. Лекторскому, «не могут обойтись без веры»¹²³. В этом ракурсе выделяются два основных подхода: редукционистский, натуралистический, целиком сводящий человека к природе, и – феноменологический, видящий в человеке уникальное, «невозможное» существо, образуемое из разнородных свойств.

Осуществляемый в исследовании анализ современных работ по методологии познания антропогенеза позволяет отметить их объективистский, сциентистский характер, ориентированный на естественнонаучные теории. В то же время указывается, что эпистемологическая рефлексия обязана учитывать ценностный, мировоззренческий характер знания, уяснять исторические, культурно-мировоззренческие источники самих существующих методологий и интерпретаций антропогенеза.

В современных эпистемологических исследованиях говорится об идее интегрализма наук, глубокой связи естественных и гуманистических подходов, особенно в антропологии. Однако в научном и образовательном пространстве происходит догматическая трансляция истинности естественнонаучного

---

¹²² Меркулов И.П. Когнитивная модель сознания // Эволюция. Мышление. Сознание. М.: Канон, 2004. С. 36.

¹²³ Лекторский В. А. Вера и знание в современной культуре // Вопросы философии. 2007 № 2. С. 15.

эволюционно-биологического объяснения антропогенеза. В этом проявляется противоречие внутри современной рациональной эпистемы, когда традиционная философская теория с ее проблемой идеального (сознания) еще воспроизводится в эпистемологическом дискурсе, но на уровне значения оказывается лишенной смысла (при остающейся авторитетности естественнонаучного познания).

Обосновывается, что поскольку феноменология нацелена на радикальное генетическое прояснение методологических оснований познавательного опыта человека, то она может осуществлять демаркацию и анализ основных методологических парадигм познания и учений антропогенеза. Феноменология имеет и собственную перспективу развития антропологии в форме трансцендентального анализа субъективности, интенциональной жизни сознания.

Второй параграф «Основные подходы исследования антропогенеза и их культурно-мировоззренческие и методологические предпосылки» посвящен установлению типологии современных антропогенетических подходов и выяснению их методологических и исторических оснований.

Отмечается, что многие учения в рамках признанных подходов познания антропогенеза отличаются неартикулированностью, отсутствием методологического введения, некритичностью. Первый подход интерпретаций составляют научные теории. Естественнонаучное представление о происхождении человека ориентировано на изучение животного мира, приматологии, эволюционных процессов. В диссертации указываются философско-научные теории (трансформизм, систематика, эмбриология, преформизм, эпигенез, ламаркизм, дарвинизм, эктогенез, автогенез, витализм, катастрофизм, униформизм), а также – чисто научные (генные, хромосомные, молекулярные исследования наследственности в биологии, синтетическая теория эволюции, теории экосистем) учения об антропогенезе. Позиционируя себя против библейского креационизма, наука исходит из гипотезы вечности материи, которая, «самопрогрессируя», достигает уровня жизни, а в лице человека – сознания. И хотя «земной биогенез до сих пор научно непостижим»¹²⁴, в науке вырабатываются его доказательства в двух основных теоретических линиях: биогенеза (живое происходит только от живого) и абиогенеза (жизнь зарождается от неживого). Физическая антропология вынужденно ориентируется на космологические идеи саморегулирующихся систем, направленной эволюции, иерархически организованной Вселенной или на популярную сегодня теорию Большого взрыва.

Второй современный подход к антропогенезу составляют религиозные представления. В исследовании они подразделяются на два основных вида трактовок религиозного отношения – теизму и пантеизму.

К третьему подходу современных теорий антропогенеза относятся многообразные попытки синтеза религиозных и научных систем, поиск единства и непротиворечия между эволюционными взглядами и богословскими текстами. Со стороны религии такую возможность обеспечивает открытость для

---

¹²⁴ Клягин Н.В. Современная научная картина мира. М.: Логос, 2007. С. 93.

истолкования религиозных текстов, что позволяет отказаться от буквальных смыслов и интерпретировать их в духе «библейской критики» и науки. Интеграционными идеями отличаются также и многие научные теории антропогенеза, допускающие возможность Бога, космической телеологии, антропного принципа. В диссертации поднимается вопрос о философской обоснованности указанных теорий антропогенеза.

В работе ставится цель феноменологического осмысления оснований самой науки. Показывается, что научные объяснения являются результатом формирования идеализаций на основе абстрагирования от свойств предметов донаучного опыта. Наука, по Гуссерлю, осуществляет свои построения, извлекая из жизненного мира «то, что когда-либо бывает потребно для тех или иных преследуемых [ею] целей»¹²⁵. Господство научной парадигмы в познании антропогенеза определяет исследовательскую задачу в направлении экспликации культурно-мировоззренческих зависимостей именно научной методологии.

Осмысляя теоретический контекст, в рамках которого формируются современные объективистские учения антропогенеза, в диссертации отмечаются три присущие ему методологемы: силлогистика, диалектика и математика. Они представляются конкретнейшими и непосредственными формами научной рациональности, как бы «закругляющими» ее познание в онтические значения. Они оказываются замкнутыми на самих себе, на внутренних связях мышления, языка, ориентированы на сущее, монизм, не предполагают субъективного опыта трансцендирования и подлинного онтологического вопрошания. Их социально-историческая ретрансляция отражается на соответствующих подходах интерпретации антропогенеза. Неявное, скрытое присутствие и некритическое воспроизводство в культурном дискурсе делает их «истинность» трудноуловимой и непреодолеваемой. В диссертации проводится детальный анализ указанных методологем с попыткой проследить их древние культурно-исторические, философско-религиозные источники. Делается вывод, что методы, действующие сегодня в имеющих социальное признание научных исследованиях антропогенеза, сами по себе не есть внешние средства познания, но представляют собой культурно-мировоззренческие стили мышления, сами извлеченные из смысловых пластов древних традиций и продолжающие свое парадигмальное воспроизводство-воздействие в современной философско-научной эпистеме.

Третий параграф «Методологическая осмысленность проблемы антропогенеза в современной естественнонаучной и гуманитарной историографии» посвящен вопросу критической теоретико-методологической осмысленности проблемы антропогенеза в современных антропологических естественнонаучных и гуманитарных учениях.

---

¹²⁵ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: «Владимир Даль», 2004. С. 172.

В исследовании выясняются когнитивные идеалы, методы, эпистемологические модели, направляющее современное антропологическое познание. Констатируется, что сегодня при изобилии создаваемых моделей научности не сложилось единого представления о рациональности и науке. В диссертации идеальная модель развития науки видится в постнеклассической концепции В.С. Степина¹²⁶, в которой признается важность методологической рефлексии, нацеленной на осмысление субъективных и мировоззренческих условий знания. Показывается соответствие феноменологической философии постнеклассическим требованиям к научности познания.

В исследовании отмечается, что несмотря на теоретико-методологическую переоценку в области познания антропогенеза, методологическая составляющая остается еще в зоне гипотетико-вероятностного типа мышления. Для подтверждения этого тезиса приводятся примеры работ из четырех областей. К первой относятся работы непосредственно методологические, посвященные «философско-методологическому» анализу проблемы антропогенеза (Ю. И. Ефимов, М. Б. Конашева, Е. Е. Нагорных, В. П. Цаплин, М. Н. Кочетов), ко второй – критические замечания, аналитические и эпистемологические статьи, косвенно затрагивающие тему происхождения человека (А. И. Шеманов, В. В. Савчук, В. Тен, И. Н. Седов, О. Б. Шустова), к третьей – естественнонаучные работы, включая критические и методологические (Б. Ф. Поршневу, А. Марков, А. А. Зубов, И. Ф. Фролов) и, наконец, к четвертой – те, которые исходят из антропологической, гуманитарной ориентации в познании антропогенеза (М. Фуко, М. Шелер, К. Вольф и др.).

В заключении параграфа делается вывод о теоретико-методологической неудовлетворительности многих учений о происхождении человека по критерию их несоответствия современным рефлексивным (постнеклассическим, феноменологическим) стандартам. Главная причина такого положения видится в использовании объективистского подхода. Специфика объективизма усматривается в том, что сознанию, осуществляющему познание, навязывается искусственный метод, конструирующий реальность и не совпадающий с естественной целостностью и полнотой психофизической и смысловой субъективной жизни человека.

Вторая глава «Феноменологическая демаркация научных, религиозных и философских подходов интерпретации антропогенеза» посвящена обоснованию теоретической значимости историографического подхода к изучению антропогенеза и выяснению методологических возможностей трех основных способов познания антропогенеза, религиозного, научного и философского.

Первый параграф второй главы «Методологическое значение историографии в познании антропогенеза и проблема ее феноменологической демаркации» обосновывает теоретическую

---

¹²⁶ См. Степин В. С. Конструктивизм и проблема научных онтологий // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. М.: «Канон+», 2009. С. 59.

значимость историографического расширения горизонта изучения антропогенеза за пределами естественной науки. Отмечается, что как в западноевропейской, так и в отечественной науке и философии естественнонаучная парадигма в познании антропогенеза испытывает серьезный кризис. Отсутствует единомыслие во взглядах между самими учеными. Независимо от естественнонаучных тенденций существуют многочисленные религиозные и философские учения. Это указывает на необходимость расширения историографического горизонта подходов, обозрение интерпретаций и познавательных возможностей всех видов знания антропогенеза.

В диссертации отмечается, что методологическая осмысленность познания антропогенеза предполагает историографическую реконструкцию, восстановление библиотеки антропогенетического знания, где наряду с естественнонаучными текстами существуют религиозно-мифологические и философские тексты. В диссертации подчеркивается, что не естественнонаучное познание, которое само произрастает из историографического воспроизводства, а именно смысловая данность, взятая в модусе своей библиотечной полноты, является критерием в отношении всех, ей же присущих, форм выражения. Выявляются три основные кластеры знания – философское, научное и религиозное. Феноменологическое уяснение присущих им методологических принципов позволяет понять их преимущества и границы, а также – видеть перспективность собственного феноменологического подхода в познании антропогенеза. В работе отмечаются базовые черты феноменологического метода в качестве демаркационного критерия оценки иных форм познания, а именно, абсолютная возможность усмотрения, трансфинитность, рефлексивность, опора на очевидность, ориентация на беспредпосылочное восприятие полноты жизненного мира, трансцендентальный уровень анализа, принцип Я и др.

Во втором параграфе второй главы «Феноменологическая демаркация научных методов исследования антропогенеза» выясняется методологическая специфика естественнонаучного изучения происхождения человека. Отмечается, что научная рациональность находится в фокусе пристального критического феноменологического рассмотрения. По своей социальной функции наука направлена на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире, основой чего является сбор фактов и построение причинно-следственных связей и законов. В диссертации отмечается, что многие понятия и значения уже методологически нагружены. Современная наука, осуществляющая познание «точных причин» руководствуется иным, по сравнению с преднаучным, греческим типом теории. Основу этого типа составляет конструирование, формализация, математическое моделирование. Выработка «концептов», построение «систем», «теорий», при всей практической результативности, обнаруживает ограничение познания смысла и даже физического сценария происхождения жизни и человека. Речь идет не только о фрагментарности научных

исследований. С точки зрения феноменологии, методологическая природа науки состоит в технической, искусственной символизации познания, надстраивающего над реальностью «второй мир», который заменяет приоритетные смыслы изначальности, затеняет их научным языком, не имеющим полноты смысла.

В диссертации акцентуируется внимание на том, что цель объективистского научного подхода состоит в очищении разума от любого субъективизма в методиках анализа витальной системы человека. Объективизм же гарантируется применением как бы независимых от субъективного понимания «экспериментальных методов», в структуру которых входит выдвижение гипотез и подбор обосновывающих их фактов. Однако, когда речь идет о живом человеке, то большая часть объема подобных доказательств производится с «мертвыми» фактами. По выражению М. Шелера, «наука имеет своим предметом мертвую природу»¹²⁷. Верификационные функции научного подхода применимы только к объективациям, к опосредованностям, и мало уделяют внимания самоданной непосредственности собственно мышления человека. Демаркационная граница научного методологического подхода к изучению происхождения человека прослеживается в натуралистическом эмпиризме.

Третий параграф второй главы «Демаркация религиозного подхода исследования антропогенеза» посвящен выявлению методологических возможностей религиозного способа объяснения происхождения человека. Важность этого вопроса заключается в том, что в основе любого вида познания лежит мировоззрение, стержнем которого является религиозное учение. Специфика религиозного познания состоит в том, что оно открывается в экзистенциальной непосредственности сознания. Его содержание имеет догматическое значение, являясь условием идентификации веры человека в вероучительной системе определенной религии. В этом смысле о едином религиозном познании антропогенеза и, соответственно, единой теологической методологии речь в строгом смысле идти не может. Ведь «в религии, – пишет В.К. Шохин, – очень важное место принадлежит вере в определенные далее непроверяемые положения, ссылкам на авторитеты, являющиеся их “гарантами”, и общинам “посвященных”»¹²⁸. Что касается общих методологических особенностей религиозного познания, то исторически эта проблематика ставится только в контексте греко-европейской философской культуры. Западная христианская мысль испытывала «соблазн рационализма», совершая явную рецепцию многих философских и научных идей, например, эволюционизма. В последние два столетия она подвергается историко-культурному анализу со стороны религиозоведческой науки. В результате, в отличие от науки, имеющей сравнительно устойчивую и однозначную методологическую топологию, рефлексия религиозного знания содержит неоднородный горизонт подходов, ортодоксально церковных и философских позиций, не позволяющая легко осуществлять его

---

¹²⁷ Шелер М. Избранные произведения. М.: «Гнозис», 1994. С. 254.

¹²⁸ Шохин В. К. Введение в философию религии. М.: Альфа, 2010. С. 226.

феноменологическую демаркацию. Основываясь на факте дифференцированности религии, в диссертации показывается, что вопрос о возможности рационального рассуждения о демаркационной зоне теологической методологии лежит в плоскости конкретного религиозного опыта и мировоззренческих презумпций мыслителя, который занимается проблемой подобной демаркации.

Четвертый параграф второй главы «Методологические границы философского типа познания и его перспективность в исследовании антропогенеза» посвящен экспликации методологических особенностей познания антропогенеза в философской традиции. Этот вопрос имеет особое значение, поскольку именно философии принадлежит функция осмысления и методологического анализа познания антропогенеза. Однако рассмотрение конкретных философских работ по данной проблеме демонстрирует отсутствие в большинстве из них методологического введения к познанию антропогенеза. В исследовании подчеркивается, что глубинную сущность философского типа познания образуют отвлечение, обобщение и универсализация уникального. Она состоит в личном переводе экзистенциального и культурно-мировоззренческого переживания в разряд необходимого и универсального. Философия предстает знанием, глубоко встроенным в горизонт иных типов знания, особенно религиозного и научного, воздействуя на них своими рационально-методологическими стандартами, но и во многом воспринимая их мировоззренческие установки. «Нефилософское, по мысли Ж. Делеза, возможно, располагается в самом сердце философии, еще глубже, чем сама философия, и означает, что философия не может быть понята одним лишь философско-концептуальным способом»¹²⁹. Пытаясь вобрать опыт содержания (науки и религии) в абстрактные формы высказывания, философии приходится считаться с тем, что в самом содержании (культуры) неприкрыто господствуют методологические формы, принуждающие ее мыслить некритически в их же категориях. Делается предварительный вывод, что именно поэтому антропогенез воспринимается одними философами в срезе естественнонаучного и большей частью эволюционного объяснения, другими он толкуется в религиозном ключе, а в целом, в философии эта тема относится к рубрике «отношения науки и религии», редко получая собственное философское обсуждение.

В подтверждение этого вывода в исследовании приводятся многочисленные примеры из истории философии. В заключении выдвигаются два тезиса. Первый состоит в том, что философское познание не видоизменяет и существенно не дополняет получающие социально-культурное признание религиозные и научные учения по данной теме. Второй тезис заключается в том, что философия представляется знанием методологическим, которое специально рефлексировано над доступными человеку рациональными методами познания и на фоне других эпистемологических подходов является единственной посвященной в систему глубинной теоретико-методологической «карты» знания. Именно поэтому в философии антропогенез имеет перспективу быть

---

¹²⁹ Делёз Ж. Что такое философия? М.: Академический Проект, 2009. С. 50.

исследованным наиболее очевидно, рационально, всесторонне, исторично, средствами непосредственного трансцендентального самопознания.

Третья глава «Историография вопроса об антропогенезе – условие его феноменологической интерпретации» посвящена обоснованию научного значения и реконструкции историографии учений об антропогенезе в рамках феноменологического исследования.

Первый параграф третьей главы «Роль историографии в феноменологическом познании антропогенеза» нацелен на демонстрацию значимости текстового, историографического, элемента в методологическом проекте феноменологии. В исследовании доказывается, что феноменологическое понимание проблемы начала (антропогенеза) не может избежать предварительной работы по историографической реконструкции основных и признанных человечеством взглядов по данному антропологическому вопросу. У этого есть две причины. Во-первых, в намерении осуществления идеала строгой науки, феноменологический метод не может применяться формально, к исследованию самого по себе пустого сознания. Его осуществление понятийно и текстуально опосредовано. Во-вторых, ключевой смысл феноменологического познания обнаруживается в возвращении к историческому априори. Все базовые интуиции феноменологии имеют исторический характер. Как показывает А.Э. Савин, «Феноменологическое учение о методе должно не только сопровождаться, но и определяться исторической рефлексией»¹³⁰. Сознание функционирует исторически. История для феноменологии есть интенциональный феномен. Именно идея истории как «единства мировой традиции» оказывается основной темой феноменологии. В диссертации делается вывод, что если историография вообще существенна для феноменологии, то тем более для познания антропогенеза в ее рамках.

В работе обсуждается герменевтический аспект проблемы историографического познания: историография герменевтична, она не может оставаться идейно нейтральной в отношении генезиса исторических смыслов в изучаемых ею литературных источниках и учений антропогенеза. Высказана рабочая гипотеза: смысл антропогенеза трансцендентален и он объективирует себя в бытии и литературном творчестве человека. Он открыт для познания, современен, «откровенен». Утверждается идея возможности единого смысла антропогенеза и, в то же время, признается наличие специфических идей, направляющих его познание в каждом отдельном типе знания. Так, религиозный способ интерпретации происхождения человека осуществляется в категориях «творения», «участия», «возвращения», поскольку человек мыслится получающим свое Бытие в творении Бога и приобретающим свой смысл в возвратном отношении к Творцу. Философии свойственно сознать антропогенез в понятиях «воспроизведения», «отображения», «реструктуризации», «скачка», указывающих на трансцендентально-рациональный горизонт (условий), обусловивших возникновение природы человека. Историография научных исследований

---

¹³⁰ Савин А. Э. О сущности феноменологической философии // Horizon. Т. 4. № 1, 2015. С. 28.

антропогенеза ориентирована понятиями «развитие», «взаимосвязи», «эволюции», «причинности».

Второй параграф третьей главы «Основные идеи религиозно-мифологического понимания антропогенеза» посвящен реконструкции религиозно-мифологических представлений антропогенеза. Отмечается, что феноменология настроена на сохранение их собственной специфики, воспринимая мифы о происхождении человека «в себе», в их внутренней смысловой сущности. Обозначаются эпистемологические и смысловые параметры мифологии вообще, определяется место в ней мифов об антропогенезе. Древняя мифология может осмысливаться в категориях религиозности, исторической первичности и, в этом отношении, истинности. Религиозно-мифологические учения образуют исторически первую форму мировоззрения. Практически все известные древние тексты, сохранившиеся до сего дня, являются религиозными по содержанию. В них символически актуализировано какое-то изначальное Отношение, представленное онтологическими понятиями «Бог» – «мир» – «человек». Социокультурное воспроизводство этого «первичного знания» именно на основании исторической первоначальности, согласно диссертации, предстает и самым «подлинным» в смысле своей изначальной интенции, и, полагая начало своей дальнейшей трансляции и ретрансляции в иных формах познания, никогда не изглаживает своей смысловой сути. Следуя этой мысли, генетически-смысловая сущность всего мирового знания может рассматриваться как имеющая религиозно-мифологическую основу. На понимание антропогенеза эти характеристики накладывают соответствующие эпистемологические значения.

Принимая во внимание указанные формы религиозно-мифологического мировоззрения, в работе выделяются и характеризуются три основные идеи: человек происходит: а) из сущего, б) от Человека, в) сотворен Богом. В заключении параграфа делается вывод, что за представлениями об антропогенезе, выраженными в мифах народов, человек просматривается как существо литургическое, то есть, с самого начала включенное в процесс религиозного служения в духе воспоминания о Творце. Креационная идея мифа отражает факт личного и коллективного религиозно-ритуального повторения сакраментального Акта творения как онтологического к нему приобщения. Мифы происхождения играют связующую роль внутренней организации религиозно-мифологических систем, от мифов «рождения», «падения», «вечного возвращения» до мифов «обновления», «жертвоприношения», «эсхатологии» – все они органично спаяны единой смысловой тайной антропогенеза.

В третьем параграфе третьей главы «Антропогенез в истории философской мысли» автор реконструирует основные учения о происхождении человека, выработанные в истории философии. Несмотря на философскую сущность генетической проблематики, тема антропогенеза не имеет достаточной методологической экспликации в истории философской мысли. Однако это не означает, что она лишена внимания и не является сквозным и перманентным аспектом любой философской системы.

В диссертации обозначается три разряда философских учений об антропогенезе в соответствии с заключенными в них методологическими и мировоззренческими установками. Первый состоит в воспроизводстве понимания антропогенеза в других типах знания – религиозном или научном. Второй, специфически философский, связан с попытками рационального моделирования данного феномена. Третий разряд образуют интуиции, в которых раскрываются формы бытия человека, имеющие отношение к началу. Делается замечание о недостаточной историографической рефлексии по данной теме в философии. Высказывается мнение о причине такого положения: все философские учения коренятся в глубоких пластах мировоззрений, в религиозных убеждениях, и можно говорить лишь о степени секулярности философского познания. В подтверждение этого тезиса приводятся примеры. Первый пример – греческие представления: в них просматриваются материалистические и тотемистические идеи, бытовавшие в мифах древнего мира. Далее показывается, как антропогенетическая интенция изменяется с появлением христианства, однако и в самое «богословское» время (I – VIII века) и в последующие века, философы-богословы, признавая несомненность библейского сказания о сотворении человека, не обходят его рациональным осмыслением, предлагая многочисленные толкования. Многие ортодоксальные христианские мыслители (Василий Великий, Ефрем Сирийский, Григорий Нисский и др.) не отступали от буквального текста «шестоднева», видя в антропогенезе целостное событие. Говоря об учениях Григория Нисского и Григория Богослова, автор отмечает не только содержащуюся в них креационистскую структуру, но и внутреннюю темпоральность творения, заключая его буквально в мгновение, в единомоментность. Поскольку «в деле творения должно представлять себе в Боге все в совокупности: волю, премудрость, могущество, сущность существ... то и поводам, и причинам, и силам всех существ вдруг и в одно мгновение положил Бог основание»¹³¹. В сравнении с этим показано, что методология новоевропейского рационализма отличается спиритическим объективизмом, космологизмом, натурализмом, при которых антропология имеет второстепенное значение. Несамостоятельность философского дискурса демонстрируется на примере учения И. Канта. В работе анализируются учения Г. Гегеля и Ф. Шеллинга. В продолжение исследования говорится, что со второй четверти XIX века на философскую авансцену восходит атеизм и материализм, развивается эволюционно-биологическая тенденция в антропологии, особенно связанная с творчеством Ч. Дарвина. Лишь единичные философы пытаются выступить в защиту смыслового генезиса человека (С. Кьеркегор). Экзистенциалистские антропологические интуиции о начале просматриваются у религиозных философов XX века, Г. Марселя, У. Спирито. В исследовании особое место отводится О. Шпанну, непосредственно обращающемуся к проблемам антропо- и историогенезиса, происхождения и исторического первоначала. Методологически опираясь на гегелевские концепты «духа», «основания», «рефлексии» и «це-

---

¹³¹ Нисский Григорий. Экзегетические сочинения. Краснодар: Текст, 2009. С. 6-7.

лостности», Шпанн разворачивает философскую критику дарвинизма и доказывает изначально-духовную «основанность» человеческого бытия, непрерывно сохраняющуюся законом «реструктуризации». Оригинальный, соответствующий теории катастрофизма, взгляд на антропогенез принадлежит О. Шпенглеру. В этот же ряд следует поставить Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, К. Ясперса, Г. Гадамера, П. Рикера, Н. Аббаньяно, М. Фуко, М. Мерло-Понти. Далее в исследовании рассматриваются идеи русских философов, у которых наряду с христианским взглядом, существуют достаточно рискованные рационально-философские и натуралистически-космологические рассуждения об онтологических истоках человека.

В диссертации отмечается, что к числу последователей биологического эволюционизма принадлежит большинство мыслителей XIX – XX вв. Онтологический и методологический объективизм оставляет мало места философско-критическому методу: человек практически во всех философских направлениях понимается эволюционно как происшедший из животного царства. К этой плеяде относится А. Шопенгауэр, Л. Фейербах, Г. Спенсер, Д. Ст. Милль, Э. Геккель. К апологетам Дарвина принадлежат К. Маркс и Ф. Энгельс, которые симиальную концепцию антропогенеза дополнили трудовой. В духе витального онтологического монизма как единства «души и тела» презентированы идеи о происхождении человека А. Бергсона, Г. Зиммеля, Г. Когена, Э. Кассирера, В. Виндельбанда, Г. Риккерта, Ф. Ницше, М. Шелера, Х. Плеснера, А. Гелена.

Четвертый параграф третьей главы «Проблема происхождения человека в естественнонаучной традиции» посвящена экспликации теории антропогенеза в естествознании. Именно в контексте научного познания осуществляется наиболее обстоятельная разработка проблемы антропогенеза. Здесь она вводится терминологически («антропогенез»), принимая достаточно жесткие демаркационные значения, а вместе с ними – определенные визуальные и рационально объяснимые очертания. Согласно исторической хронологии основные научные взгляды о происхождении человека в диссертации разделяются на четыре сектора. Первый образуют все биологические концепции со времени античности до учения Ч. Дарвина. Второй составляет дарвинистская традиция, включая критические исследования, направленная на подтверждение или опровержение симиальной доктрины. Третий связан с современным развитием проблем таких наук, как антропогенетика, геномика, молекулярная биофизика. И четвертый включает в себя нейрофизиологическую проблематику, связанную с вопросами мышления, памяти и биокультуры человека.

Далее, в опоре на труды Ю.В. Чайковского и В. В. Лункевича, рассматриваются эволюционистские идеи ученых XV – XIX вв. В исследовании признается, что поворотной в идеологическом смысле точкой в трехсотлетнем понимании наукой происхождения человека явились произведения Ч. Дарвина. Приводимые Дарвином аргументы осуществлены с применением метода ана-

логии, антропологические выводы делаются на основе флористики, наполнены ссылками на предшественников, сравнивают разум человека с «мышлением муравьев», содержат одновременно патетику «убеждения» и согласие с «вероятностью» своих идей. В диссертации отмечается, что как в западной, так и в отечественной науке дарвинизм крепко встроен в архитектуру эмпирической антропологии. В данном ключе работают А.В. Иванов, А.В. Марков, А.А. Зубов, С. В. Дробышевский и др. Однако вопрос о том, насколько проблема антропогенеза обрела научную устойчивость, не представляется ясным и решенным.

В настоящее время в естественнонаучной антропологии набирает силу антропогенетика, связанная не только с открытием «гена» В. Иогансенем в 1909г., но и с открытием в 1953 г. «двойной спирали» ДНК, генома, понятий, работающих на антропогенетические категории «развития», «генезиса», «формирования», «происхождения», «трансформации», «мутации». Исследования геномов образовали такой специфический раздел молекулярной генетики как геномику. Представляя историографию нейрофизиологического истолкования генезиса мышления, в работе упоминаются разработки Б.Ф. Сергеева, С.В. Савельева, К. Фрита, Дж. Николлса и др.

В исследовании делается вывод, что научная проблема открытия количества связей, которые должны сформироваться во время развития нервной системы, оказывается бесконечной.

Четвертая глава «Феноменологическое понимание антропогенеза: идеи и границы применимости» посвящена экспликации особенностей исследования проблемы антропогенеза методологическими средствами феноменологической философии.

Первый параграф четвертой главы «Возможности феноменологической методологии в решении вопроса о происхождении человека» посвящен уяснению статуса проблемы антропогенеза в рамках феноменологии и выявлению методологических возможностей ее феноменологического познания. Утверждается, что проблема антропогенеза образует особую цель феноменологических исследований. Она не является лишь феноменологическим со-философствованием о происхождении человека. В тематизации горизонтности разума и его трансцендентального генезиса в феноменологии решается именно вопрос о предельном бытийном и историческом начале. В поле ее трансцендентального языка решаются вопросы о человеке, о конституирующей жизни сознания, телесности, присутствии, корреляции сознания и тела, о смысле, времени, Другом, целостности, интерсубъективности, историчности. Проблема антропогенеза в феноменологической перспективе представляется реконструкцией из субъективности сознания, непосредственно совпадая со всей ее конститутивной и смысловой структурностью. Сосредоточение феноменологической мысли на круге совпадения с собой, методологии и сознания, позволяет сформулировать тезис о том, что антропогенез и есть вся система феноменологии в генетическом индексе – в индексе познания первоусловий собственной возможности. В познавательном смысле это означает, что все

многообразие особенностей и компонентов феноменологического учения о сознании могут переводиться на антропогенетический язык. В данной связи, принимая во внимание статические и генетические принципы феноменологического учения, можно транспонировать их в соответствующие антропологические идеи и следствия. Их систематизация подразумевает антропологическое осмысление феноменологии в различных срезах – эпистемологическом, онтологическом, гносеологическом, методологическом.

В диссертации анализируются указанные линии исследований антропогенеза. Так, в эпистемологическом срезе феноменология проясняет природу эмпирико-биологических гипотез о происхождении человека, очерчивает и обосновывает специфику собственной научности. Что касается онтологического среза, то здесь феноменология исследует природный статус бытия человека. Характер и статус антропо-изводящего бытия является не просто изначальной природой человека, но и последним смыслом его существования. Он есть предельный для осуществления человеком уровень бытия. Если в феноменологии сознание и реальное бытие – это различно устроенные виды бытия, между которыми зияет пропасть смысла, то человек предстает как дву-бытийное существо, в котором материальная телесность со-строена с чистой идеальностью сознания. Этот факт указывает на принципиальную присущность идеально-смыслового бытия событию антропогенеза. В рамках гносеологического среза отмечается такая особенность как принцип самоданности сознания, которое есть и цель, и средство феноменологического познания. Как отмечает Н.В. Мотрошилова, здесь «речь идет не о мире, как он существует вне и независимо от человеческого сознания, а о мире, как он дан человеческому сознанию и “конституирован”, т.е. воспроизведен, выстроен в этом сознании»¹³². Это определяет позицию феноменологии в познании человека. На фоне конструктивизма других антропологических подходов, она исходит из эгологической интуиции тождества «мира» и сознания – понимания возможного опыта как моего. Это означает – открытие в себе полноты внутренней смысловой уникальности, осознанной в качестве антропологически изначальной, перводанной.

Особое внимание в диссертации отводится рассмотрению методологических возможностей феноменологии. Анализируются такие методологические принципы феноменологии как очевидность, идеация и редукция. Все они нацелены на прояснение трансцендентального опыта сознания, который дан изначально, без примесей каких-либо «теорий». Оригинальность самоприсутствия и есть исток последнего права познания опыта перводанности, его истинности и значимости. На этом острие созерцаемого с очевидностью дер-

---

¹³² Мотрошилова Н. В. Учение Э. Гуссерля о вещи, восприятии и пространстве: Лекции 1907 года // Историко-философский ежегодник, 1998. С. 237. Ср. с Э. Штайн: «Путь трансцендентальной феноменологии приводит к тому, что субъект устанавливается как исходный и центральный пункт философского исследования. Все остальное находится в зависимости от субъекта. Мир, который выставляется в его актах, всегда остается миром для субъекта». (Штайн Э. Феноменология Гуссерля и философия св. Фомы Аквинского // Horizon. Т. 6. № 2, 2017. с. 343).

жится и весь мир интенциональности, требующий соответствующей дескриптивной методики экспликации. Антропологическим следствием из принципа очевидности, согласно исследованию, является мысль о высшей оригинальности человека. Говоря об идеации подчеркивается, что она всегда схватывает надвременное единство значения человека – то целое, которое никогда не соответствует сумме частей. Исходя из непосредственного созерцания, феноменолог имеет дело с конкретным человеком, обладающим бесконечностью реальных качеств и свойств, имеющих сущностное значение, но не теряющего своей целостности.

Второй параграф четвертой главы «Контурь антропологии и «метафизическое» обоснование генетического вопроса у Э. Гуссерля» посвящен реконструкции гуссерлевского понимания вопросов начала и происхождения. В диссертации обозначаются ключевые антропологические взгляды Гуссерля. Они подразумевают троичную структуру человека – телесность, душу и дух. При конституции мира собственное тело играет центральную роль, роль «ядра». Благодаря телу, его органам, ощущениям, восприятиям, человек непосредственно, жизненно, изначально-опытным путем соприкасается с миром, осваивает и своеобразно познает. Не менее значимым у Гуссерля является концепт «души» как общего обозначения для специфического аспекта, ступени анализа, переходного от фиксирования структур человеческого тела к структурам человека как такового, в частности человеческого духа. Подструктуры, заключенные в понятии «души» Гуссерль описывает в категориях телесного одушевления. Что касается высшей ступени человека, охватываемой понятием «дух», то в нем фиксировано обобщение смысловых (познавательных, социо-культурных и др.) структур.

В диссертации отмечается, что в попытках решения антропогенетического вопроса Гуссерль исходит из «уже бытия» человека, описываемого в конкретности его смысловой жизни. Человеческая субъективность, предстает в модусе самосознания и неотделимой от «духовного» самоистолкования. Смысловой мир сам в своем бесконечно-открытом горизонте есть и условие собственной возможности, и демонстрация личного антропогенеза, и стихия понимания и истолкования «исторического» первогенеза человека. В соответствии с феноменологической антропологией антропогенез есть «опыт меня самого».

В то же время отмечается, что тема происхождения не получила в творчестве Гуссерля всестороннего и систематического обоснования. Между тем, от ее познания зависит самообоснование самой феноменологии. Свою метафизику, обращенную к фундаментальным вопросам первоначал и первоусловий – «метафизику фактичности», Гуссерль выстраивает на почве субъективизма. Характеристика сознания в метафизических категориях «жизни» и «источника» отражается и на таком фундаментальном понятии, как «конституирование», которое оказывается не столько «смысло-придаванием», сколько «сотворением», «допущением-явиться».

В позднем творчестве Гуссерля жизнь сознания описывается в понятиях «творения», «со-творения», «события». Высказывается мысль о ее «толчковом» первогенезисе. «Я открывает себя само лишь в некотором трансцендентальном генезисе в качестве трансцендентальной истории. Я “создается”, появляется “непостижимый толчок”, появляются различные ощущения, аффектации, направленные на Я, реакции, Я-акты и т. д.»¹³³.

В заключении параграфа отмечается, что, согласно Гуссерлю, истина антропогенеза не может быть спекулятивно установлена. Дистанцируясь от любых форм традиционной метафизики (картезианства, натурализма, креационизма, учения об эманации, спекулятивной идеи о вечности мира, учения о творении монад, немецкого идеализма «духовного единства жизни»), сам Гуссерль отказывается от исследования «цели природы». Проблема начала у Гуссерля решается только через описание жизни сознания (и тела) в категориях «глубинного измерения», «пра-фактичности», «со-творения», «спонтанности», «внезапности смыслообразования», «события», «интенционального свершения», «пробуждения», «явленности явления от самого себя», наконец, «встречи» с реальностью, не предвосхищаемой сознанием. Эти категории подробно рассматриваются К. Хельдом, Л. Ландгребе, Л. Тангели. Метафизическая не-данность антропогенеза получает в феноменологии позитивное обоснование из интенционального анализа сознания. Поскольку сознание с трудом схватывает полностью свое собственное основание, поэтому исключается всякая попытка предельного обоснования этой темы.

Третий параграф четвертой главы «Представления М. Хайдеггера об антропологическом начале» посвящен реконструкции представлений о происхождении человека М. Хайдеггера. Проблема исторического начала (антропогенеза) выявляется у него в связи с проблемой Бытия и осмысливается в диссертации в рамках ницшеанской идеи «вечного возвращения равного». Хайдеггером учитываются определенные методологические условия. Одно из них – феноменологическое признание первичности и критериального значения сознания. В работе указывается на необходимость в хайдеггеровском учении таких принципов познания Бытия, как принцип темпоральности, т. е. Актуальности Бытия, принцип признания априорности онтологического познания. Отмечается значение трех, значимых для Хайдеггера, феноменологических процедур – редукции, смыслового набрасывания, или конструирования, и деструкции.

Говоря об Архэ-Бытии из субъективности, Dasein, Хайдеггер пытается осмыслить его содержательно, как особую, превосходящую любую рассудочность, Всеобъемлемость. К пониманию Бытия нужно подступаться феноменологически осторожно. Бытие открывается в уединении и умалчивании, ведь «замалчиваемое – самое близкое и самое реальное»¹³⁴.

Бытийное изначалие мыслится Хайдеггером в интуиции единственности и, следовательно, неотвратимости, начиная с «первой мгновенной вспышки»

¹³³ Ландгребе Л. Проблема пассивного конституирования // Horizon. Т. 1 (1) 2012. С. 152.

¹³⁴ Хайдеггер М. Метафизическая концепция Ницше... – М.: Языки славянской культуры, 2014 с. 155.

своего проявления, *архэ*, и затем – восхождения, появления и господства. Неотвратимость Бытия оказывается тяжелейшей мыслью, поскольку осознается как вечное возвращение равного, что обуславливает трагизм мышления первоначала. Трагизм заключен в превосходящем ум эстетизме жизни, так как ее метафизическому действию принадлежит как прекрасное, так и ужасное. Далее, в контексте осмысления Хайдеггером интуиции единства генетического и антропологического, тождественного и становящегося, вечного и временного, в диссертации обращается внимание на субъективно-темпоральную категорию мгновения. В мгновении видится «центр противоречий», поскольку «чему возвратиться – если оно возвратится, – решается мгновением и силой, преодолевающей все возникающие противодействия... В мгновении вечность становится самой собой и определяет, *как именно* все возвращается»¹³⁵. Идея неминуемости Бытия как судьбы человека, могущего открыться лишь «субъективно» – это и есть феноменологически конкретнейшая истина происхождения, «бездонная мысль», распознаваемая в «полностью пробужденной жизни», *amor fati*, в любви к необходимости, в ее волевом принятии со всем, что есть в ней высочайшего и трагического.

Четвертый параграф четвертой главы «Феноменологический образ и проблемный горизонт антропогенеза» посвящен описанию ключевых идей возможного представления антропогенеза в феноменологической философии.

Методологические принципы феноменологии позволяют преодолеть господствующий сегодня гипотетико-вероятностный статус проблемы антропогенеза, который сложился в рамках индуктивистской эмпирической антропологии. «Феноменология стремится избегать гипостазирования»¹³⁶. Трансцендентализм придает этой области знания строгий научный характер, основанный на рефлексии, на принципе очевидности. Фиксация в феноменологии необходимости конститутивно-смысловых структур, приводит к идее антропного бытия, аналогичного уже-бытию человека. Антропное понимание Бытия характеризует феноменологический образ антропогенеза. В диссертации обозначаются и описываются такие базовые антропные категории как согласованность, сверхрациональность, Бытие, эсхатология, время, личность, общение, познание.

Суть антропного принципа в том, что мир антропологичен, сущностно соразмерен человеку, и этот факт у Гуссерля обосновывается в учении о телеологической согласованности опыта. Изначальная встроенность человека в мир базируется на разумных целях и смыслах. В то же время, какая бы степень аподиктичности не придавалась бы разуму мира (сознанию), его Бытие не фиксируется в феноменологии чем-то безусловным, обязательным, незыблемым. Не отрицая базового характера антропности опыта, ведущие феноменологи говорят об онтологической необеспеченности, несамодостаточности человека:

---

¹³⁵ Там же, с. 116.

¹³⁶ Лиотар Ж.-Ф. Феноменология. – СПб.: Алетейя, 2001 с. 7.

его подлинное Бытие – Генезис – остается Иным и ему неподвластным, сверхрациональным. По Гуссерлю, то, что оно есть – не подлежит сомнению, «другое дело – понять эту несомненность»¹³⁷. В этом ракурсе, истина антропогенеза ускальзывает от окончательного обоснования. Сверхрациональность феноменологической (антропной) сферы показывает самоданность, разовость, чудность антропогенеза. В тексте обосновывается, что базовым измерением феноменологического понимания антропогенеза является онтология. Это понимание исходит из непревосходимости человеческого опыта, что придает его существованию абсолютный характер: невозможно иное Бытие, чем то, которое уже открывается экзистенциальным образом в истории человека. Онтологическое отношение описывается в исследовании в категории События, в котором Бытие открывается в виде «дара», «входит-в-пребывание-навстречу-нам, к нам – людям. Кто мы?»¹³⁸. В рамках обозначенного понимания оправдано мыслить антропогенез из эсхатологической перспективы – осуществления, назначения, выбора, веры, обновления, возвращения. Антропогенез заключается в продолжающемся становлении человека человеком.

В диссертации поднимается проблема времени и делается попытка апробировать идею мгновенности антропогенеза. Эта идея исходит из феноменологического представления об уникальности и идентичности онтологии человека. Суть учения о времени сводится к тому, что синтетическая форма сознания времени осуществляет воспроизводство и необходимую сохранность антропологической идентичности. Время не изменяет специфической формы события происхождения, но сохраняет целостность его фазисов вплоть до настоящего. Делается вывод, что, исходя из феноменологического учения о времени, немислимо говорить о развитии человека, об эволюционной или иной «последовательной» форме генезиса человека.

В исследовании анализируется и такой базовый антропогенетический принцип феноменологии, как личность. Личностное достоинство человека даруется Бытием, а «не достигается в процессе физиологического развития и не устанавливается ни медицинским анализом, ни общественным мнением»¹³⁹. Личностное понимание разума человека дает ему право на личное свидетельское мышление. Отсюда получает свой смысл и важнейшая антропологическая категория свободы, которая придает проблеме антропогенеза религиозное и этическое измерение.

В диссертации рассматривается аспект интерсубъективности. Именно существование Другого конституирует внутренний мир «Я» как интерсубъективную смысловую конкретность. Существование Другого – изначально, генетично, предданно, относимо к первопорядковой, исходно-первичной сфере. Это означает, что происхождение человека не одномерно – к его сущности принадлежит неотделимость, по меньшей мере, от пары. В рамках вопроса об

---

¹³⁷ Чернавин Г. Телеология согласованности опыта в феноменологии Гуссерля // Horizon 2 (1) 2013. С. 42.

¹³⁸ Хайдеггер М. Закон тождества /Разговор на проселочной дороге: Сборник/. – М.: Высш. Шк., 1991 с. 89.

¹³⁹ Брек И. Священный дар жизни. – М., Паломник, 2004 с. 207.

интерсубъективности указывается на проблему происхождения языка и душевных переживаний. Подчеркивается, что интерсубъективность обуславливает «объективность» мира, несет ее на себе, на ее почве предстают все научно-познавательные, культурные и этико-религиозные проблемы. Исходя из обозначенных идей, в диссертации говорится, что методологическая перспектива феноменологии антропогенеза состоит в интуитивном постижении собственной природы как отражающей в себе природу производящую. Сам человек, в себе, в имманентной сфере субъективного осознания, является первой «причиной» и самоданной демаркационной реальностью, всегда актуально открывающий доступ к истине своего начала. Антропогенез во мне и есмь «я сам» в своей возможности. Естественно, феноменологическая интуиция сокровенного, настоящего, исторического механизма и смысла антропогенеза открывается только думающему мышлению и «определяется только опытом мыслителя»¹⁴⁰.

В заключении подводятся итоги исследования, отмечается обоснованность задач, приводятся выводы и обозначаются перспективы дальнейшего изучения темы.

Основные научные результаты диссертации изложены в следующих работах соискателя:

I. Монографии:

1. Устименко Д.Л. Актуальные проблемы познания антропогенеза: феноменологический анализ / ПЦ СКФ МГУСИ, 2017 – Ростов-на-Дону, 2017. – 194 с.
2. Устименко Д.Л. Феноменологическое учение об очевидности: предпосылки, идеи, перспективы / ПЦ СКФ МГУСИ, 2018 – Ростов-на-Дону, 2018. – 138 с.

II. Статьи, опубликованные в изданиях Перечня ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

3. Устименко Д.Л. Феноменологическая демаркация научных методов исследования антропогенеза // Философия права № 1(62), 2014 / научно-теоретический журнал, ФГКОУ ВПО «Ростовский юридический институт МВД России», 2014. С. 22 – 26.
4. Устименко Д.Л. Современные антропогенетические подходы и перспективы феноменологии антропогенеза // Философия права № 3(64), 2014 / научно-теоретический журнал, ФГКОУ ВПО «Ростовский юридический институт МВД России», 2014. С. 16- 19.
5. Устименко Д.Л. Философско-методологическое осмысление антропогенеза: феноменологическая перспектива // Гуманитарные и социально-экономические науки №1 (74), 2014. С. 15 – 19.

---

¹⁴⁰ Хайдеггер М. Закон тождества / Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высш. Шк., 1991 с. 75

6. Устименко Д.Л. Эпистемно-методологическая проблема исследования антропогенеза: легитимация феноменологического подхода // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. №1 (174), 2014. С. 11 – 16.

7. Устименко Д.Л. Методологическое значение феноменологии в контексте идей современной эпистемологии // «Дискуссия». Ежемесячный научный журнал №4 (45) апрель, 2014. С. 36 – 43.

8. Устименко Д.Л. Проблема методологии познания антропогенеза в современных естественно-научных и гуманитарных исследованиях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии №2 (22) 2014. С. 88 – 95.

9. Устименко Д.Л. Методологическая структура научного онтического мировоззрения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Выпуск 2 (139), 2014. С. 24 – 30.

10. Устименко Д. Л., Шарыпова В. А. Контуры антропологического учения Э. Гуссерля / Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. №4 (188), 2015. С.14 – 17.

11. Устименко Д. Л. Основные идеи религиозно-мифологического понимания антропогенеза / Философия права № 4(71), 2015 / научно-теоретический журнал, ФГКОУ ВПО «Ростовский юридический институт МВД России», 2015. С.116 – 120.

12. Устименко Д. Л. Антропогенетические идеи М. Хайдеггера / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч I. С.194 – 197.

13. Устименко Д. Л. Обоснование антропогенетического вопроса в феноменологии Э. Гуссерля / Вестник Томского Государственного Университета. Философия. Социология. Политология. №2 (30), 2015. Томск, 2015. С.162 – 168.

14. Устименко Д. Л. Проблема методологии познания антропогенеза / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 2-х ч. Ч I. С. 185 – 188.

15. Устименко Д. Л. Антропогенетическое измерение феноменологической «метафизики фактичности» / Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2015. № 4. М.: ИИУ МГОУ. С. 21 – 28.

16. Устименко Д. Л. Методологическое значение историографии при феноменологическом познании антропогенеза / Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. №1 (189), 2016. С. 10 – 15.

17. Устименко Д. Л. Проблема времени антропогенеза: феноменологический взгляд / Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика, 2016 Т. 16. Вып. 3. С. 286 – 291.

18. Устименко Д. Л. Феноменологический образ антропогенеза / Ценности и смыслы, 2017, № 6 (52). с. 135 – 141.

19. Устименко Д. Л. Проблема антропогенеза в немецкой классической философии / «Человек. Общество. Инклюзия», 2017, № 4 (32). С. 39 – 47.

III. Научные статьи, опубликованные в иных изданиях:

20. Устименко Д.Л. Антропогенез – философская проблема / Сборник трудов Межвузовской научно-практической конференции «Прикладная информатика и экономика», РИПИ, Ростов-на-Дону, 2008г. С. 150 – 158.

21. Устименко Д.Л. Культурно-мировоззренческие истоки современных исследований антропогенеза / Актуальные проблемы регионоведения: материалы Международной научно-практической конференции, 24-25 апреля 2011 г.: [в 2 ч.] М-во образования и науки Российской Федерации, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Славянский-на-Кубани гос. пед. ин-т» (СГПИ); [под ред. Н. А. Серогодского, Н. Б. Акоевой]. – Ч. 2. С. 137 – 144.

22. Устименко Д.Л. Anthropogenesis: a phenomenological view Ustimenko D.L. Труды СКФ МТУСИ 2012 – Ростов-на-Дону, ПЦ «Университет» СКФ МТУСИ, 2012. С. 399 – 400.

23. Устименко Д.Л. Феноменология Троянской войны как современная антропологическая проблема // Общество на рубеже веков: взгляд на современность через призму социальных и гуманитарных наук: материалы второй международной научно-практической конференции (15 декабря 2013г.): в 2 т. – Т. 2 / науч. ред. К.В. Патырбаева; Перм.гос.нац.иссл.ун-т.- Пермь, 2014. С. 196 – 200.

24. Устименко Д.Л. Философская проблема антропогенеза: современное состояние / НОВАЯ НАУКА: СТРАТЕГИИ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ: Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно –практической конференции (Магнитогорск, 8 февраля 2017). / - Стерлитамак: АМИ, 2017. – №2 - 2. С. 176 – 178.